

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский Государственный Университет»
Филологический факультет
Кафедра истории зарубежных литератур

Коханова Надежда Александровна

**ТВОРЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ АФРОАМЕРИКАНСКОГО
СОЗНАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧАРЛЬЗА ЧЕСНАТТА**

Выпускная квалификационная работа магистра филологии

Научный руководитель:

к. ф. н., доцент

Е. М. Апенко

Рецензент:

к. ф. н.

Ю. М. Барабанова

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Введение	3
Глава I Формирование афроамериканской литературной традиции: от истоков до рубежа XIX-XX веков	6
1. Литература афроамериканцев XVIII - начала XIX веков – зарождение традиции.....	6
2. Время, эпоха, философия, литературное пространство рубежа XIX-XX веков	22
3. Чарльз Чеснатт – «пионер» новой негритянской прозы.....	40
Глава II Творческое воплощение афроамериканского сознания в произведениях Чарльза Чеснатта	44
2.1 Отход от благопристойного канона и новый образ негра в романе «Дом, скрытый кедром».....	44
2.2 Тема расового барьера, борьба представлений и ценностей в сборнике рассказов «Жена его юности и другие истории о расовом барьере».....	56
Заключение	73
Список использованной литературы	75

Введение

Афроамериканская литература, превратившись в одну из «наиболее динамичных ветвей национальной литературы», при всей своей эстетической и тематической самобытности неотторжима, по мнению ведущих ученых, от общих тенденций художественного развития США¹. Именно поэтому американская филология уже давно уделяет особое внимание изучению литературы чернокожих афроамериканцев, в то время как в отечественной науке подобные исследования начались относительно недавно.

Тем не менее, значительное количество научных работ известных литературоведов, среди которых можно назвать Ю. В. Стулова, И. М. Удлер, А.В. Вашенко, О. Ю. Панову и др., посвящены различным аспектам творчества первых негритянских литераторов. Многие отечественные исследователи обращались к изучению произведений афроамериканских писателей XX века: можно вспомнить работы Г. П. Злобина, А. С. Мулярчика, М. В. Тлостановой, Т. Н. Денисовой, Б. А. Гиленсона, Т. В. Воронченко и др. Однако период становления афроамериканской литературы как самостоятельного явления на рубеже XIX-XX веков в отечественной филологии до сих пор остается мало изученным.

Одним из тех афроамериканских писателей, чье творчество почти не известно в нашей стране, является и Чарльз Чеснатт (1858-1932), в то время как в американской науке ему посвящено множество исследований. Это и монографии У. Эндрюса, М. Уилсона, Д. МакУильямса, и концептуальные работы ведущих критиков афроамериканской литературы, таких как Ч. Дункан, Г. Л. Гейтс и Х. Бейкер. Многие ученые в своих научных статьях рассматривают различные

---

¹ Гиленсон Б. В поисках «другой Америки»: из истории прогрессивной литературы США. - М.: Художественная литература, 1987. - С. 191.

аспекты произведений Чеснатта (О. Хейм, Б. Бендер, Т. Смит, Д. Винтс, В. Дж. Гаррел и др.).

В большинстве же отечественных исследований творческое наследие Чарльза Чеснатта упоминается вскользь, нет ни развернутого анализа текстов автора, ни попыток определить место писателя в истории литературы США. Таким образом, вопросы изучения поэтики большой и малой прозы Чарльза Чеснатта и уточнение места его творчества в историко-литературном процессе США представляются давно назревшими, что обуславливает актуальность и новизну данного исследования.

Целью настоящей работы является рассмотрение основных произведений Ч. У. Чеснатта в контексте ключевых тенденций развития словесности чернокожих афроамериканцев рубежа XIX-XX веков.

В диссертационном исследовании ставятся следующие задачи:

- 1) Обобщить опыт исследователей в области изучения творчества Ч. У. Чеснатта, очертив круг уже рассмотренных проблем и выделив направления для дальнейшего исследования.
- 2) Определить индивидуальное своеобразие творческого метода писателя, и, тем самым, выявить его роль в развитии афроамериканской литературы.
- 3) На материале романа «Дом, скрытый кедрами» проследить тенденцию отхода от благопристойного канона, а также рассмотреть новаторство автора в создании «нового образа негра».
- 4) Проанализировать проблему расового барьера и способы ее освещения в тексте на материале сборника рассказов Ч. У. Чеснатта «Жена его юности и другие истории о расовом барьере».

Объектом изучения в работе являются сборник рассказов «Жена его юности и другие истории о расовом барьере» (1899) и первый роман Чеснатта «Дом, скрытый кедрами» (1900). Предметом исследования является художественное мастерство Ч. У. Чеснатта как литератора и автора большой и малой прозы.

В тех разделах диссертации, где произведения Чарльза Чеснатта сравнивались с прозой писателей реалистов и регионалистов, был использован сравнительно-сопоставительный метод. Опора на культурно-исторический принцип при осуществлении исследования позволила осмыслить художественно-эстетическую значимость текстов, а также провести анализ произведений с точки зрения их места в творчестве писателя и афроамериканской литературе эпохи рубежа XIX-XX веков. Типологический подход позволил оценить своеобразие отдельных черт поэтики произведений Чарльза Чеснатта, касающихся приемов повествования, проблематики, прорисовки персонажей, художественного метода. Структурный метод был применен при анализе отдельных элементов литературного произведения, относящихся к разным уровням – языковому, содержательному, мировоззренческому.

Глава I Формирование афроамериканской литературной традиции: от истоков до рубежа XIX-XX веков

1. Литература афроамериканцев XVIII - начала XIX веков – зарождение традиции

Культуре чернокожих американцев, долгое время пребывавшей на периферии, пришлось пройти долгий и тяжелый путь, прежде чем стать неотъемлемой и самодостаточной частью американского культурного пространства. Создание литературной традиции американских негров шло ускоренными темпами и в малые исторические сроки, современные исследователи отмечают стремительный темп перевоплощений, происходивших внутри ее культурного и литературного контекста: если в начале пути одним из способов быть услышанным являлась «мимикрия» под давнее наследие англо-саксонской расы (чего не избежала и новоиспеченная американская «белая» культура), то спустя лишь полвека «черная Америка» начала оказывать существенное влияние на культуру белых, а позже и вовсе нашла отражение в их литературе, что прослеживается в творчестве У. Уитмена, М. Твена, У. Фолкнера, У. Колдуэлла, К. МакКаллерс и других.

История афроамериканской литературной традиции насчитывает около двухсот пятидесяти лет. Вопросом ее периодизации занимались многие

зарубежные и некоторые российские исследователи: Роджер Уитлоу, Блайден Джейксон, Уильямс Л. Эндрюс, Диксон Брюс, Ольга Панова, Тамара Цинцадзе. Периодизация литературы американских негров не вызывает у исследователей больших разногласий, поскольку в основу всех предлагаемых ее вариаций ложатся ключевые события американской истории, являющиеся крайне значимыми для негритянской культуры – война за независимость, возвращение в Африку с миссионерскими целями, аболиционистское движение, гражданская война, закон об отмене рабства, Реконструкция Юга. Ольга Панова в своей докторской диссертации «Негритянская литература США 18-начала 20 века: проблемы истории и интерпретации» предлагает следующую периодизацию: 1. середина 18 века – 1810-е гг.: первые памятники словесности; 2. 1820-1860-е: эпоха колонизации и аболиционизма; 3. 1870-1910-е – рубеж 19-20 вв.². В «Истории афроамериканской литературы» (1986) профессор университета Луизианы Блайден Джейксон делит начальный этап афроамериканской словесности на два периода: 1760-1830 – период ученичества (“Age of Apprenticeship”) и 1830-1895 – период аболиционизма (“Age of Abolitionists”)³. Историк Диксон Брюс, в свете повышенного интереса к изучению литературы американских негров, в двух своих монографиях предлагает очень детальную периодизацию, выделяя целых 8 относительно кратких периодов развития литературы негров⁴.

В нашей работе мы воспользуемся представленными периодизациями и в дальнейшем будем говорить о трех больших этапах в истории афроамериканской литературы: 1. середина 18 века – конец 1860-х годов (от первых памятников негритянской словесности до конца Гражданской войны и Реконструкции Юга); 2. 1870-е – конец 1910-х (рубеж веков, смена парадигм в афроамериканской

---

² Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - С. 34.

³ Jackson B. A History of Afro-American Literature. - Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1989. - Vol. 1. - P.12.

⁴ Bruce D. Black American Writing from the Nadir: The Evolution of a Literary Tradition, 1877-1915. - Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1989. - 272 p. Bruce D. The Origins of African American Literature: A History of the African American Literary Presence, 1680-1865. - Charlottesville: University of Virginia Press, 2001. - 374 p.

литературе); 3. 1920-е – настоящее время (от «Гарлемского ренессанса», через «революции» 1960-х по сей день). В этой главе мы подробно рассмотрим первый период в истории литературы американских негров, чтобы детально проследить главные особенности ее становления, а также понять, какого уровня достигла словесность афроамериканцев к рубежу веков и в каком литературном контексте предстояло творить афроамериканским писателям второго периода, в том числе и Чарльзу Чеснатту.

По словам авторитетного историка, специалиста по проблеме рабовладения и аболиционизма в Новом Свете Дэвида Брайона Дэвиса⁵, словесность афроамериканцев начинает формироваться именно в середине 18 века не случайно. Негритянская литература получает возможность быть услышанной как часть культуры Нового Света благодаря трем глобальным культурным факторам. В первую очередь, это развитие европейской философии, основанной на идеях гуманизма и общественного договора в духе Локка, Руссо, что приводит к постепенному ослабеванию доминировавшего прежде христианского понимания рабства как одного из следствий первородного греха. Во-вторых, это религиозное пробуждение (ревивализм) и сентиментализм XVIII века, которые ценностно превозносят утонченность чувств, в особенности милосердие, сострадание и эмпатию. Как отмечает О. Панова, «...миссионерские работы не идут ни в какое сравнение с достижениями ревивализма. Массовая христианизация африканцев приходится на эпоху Первого религиозного пробуждения середины 18 века, и в итоге ревивализм определил облик «черной церкви» в США, ее характерные особенности»⁶. Наконец, в-третьих, это новые революционные идеи, а именно представления о естественном праве каждого человека на жизнь, свободу и стремление к счастью, которые со временем противопоставляются различным формам тиранической власти. Этот комплекс ценностей и идей и послужил отправной точкой, так называемой «питательной

---

⁵ Davis D. The Problem of Slavery in Western Culture. - Ithaca, New York: Oxford University Press, 1988. - 505p.; Также см. Davis D. Inhuman Bondage: The Rise and Fall of Slavery in the New World. - New York: Oxford University Press, 2006. - 464 p.

⁶ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - С. 37

средой» для становящейся словесности черных в Америке и определял ее облик на протяжении двух столетий, вплоть до начала XX века.

История афроамериканской литературы начинается на исходе колониального периода с поэзии и художественно-документальной прозы – автобиографических повествований. Какой текст следует считать первым образцом афроамериканской прозы – вопрос, на который нет однозначного ответа по сей день. В «Истории афро-американской литературы»⁷ Блайден Джексон говорит о «вероятном предшественнике» классических повествований – рассказе негра Джоба Соломона, который был написан жителем Мэриленда Томасом Блуеттом (1734)⁸. Исследователь американской литературы Чарльз Николс в своем классическом труде⁹ полагает, что первым памятником словесности негров Америки следует признать автобиографическое повествование «Судебный процесс негра Адама» (“Adam Negro’s Tryall”, 1703), где описываются попытки раба Адама в ходе судебных разбирательств «отвоевать» свободу у своего хозяина Джона Саффина (причем в итоге суды, длившиеся около двух лет, увенчались успехом). Большинство исследователей все же придерживаются мнения, что история афроамериканской литературы начинается с «Повествования о необыкновенных страданиях и удивительном избавлении негра Брайтона Хэммона»¹⁰ (1760), где основой сюжета является рассказ об индейском пленении. О. Панова отмечает, что в произведении «... индейцы демонизируются автором – это кровожадные дикари, «злодеи», которые

---

⁷ Jackson B. A History of Afro-American Literature. - Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1989. - Vol. 1. - P. 54-56.

⁸ Bluett T. Some Memoirs of the Life of Job, the Son of Solomon, the High Priest of Boonda in Africa; Who was a Slave About Two Years in Maryland; and Afterwards Being Brought to England, was Set Free, and Sent to His Native Land in the Year 1734. - London: Printed for R. Ford, 1734. - 63 p.

⁹ Nichols C. Many Thousands Gone: The Ex-Slaves’ Account of Their Bondage and Freedom. - Bloomington, IN; London: Indiana State University Press, 1969. - 231 p.

¹⁰ Hammon B. A Narrative of the Uncommon Sufferings, and Surprizing Deliverance of Briton Hammon, A Negro Man, - Servant to General Winslow, Of Marshfield, in New-England; Who returned to Boston, after having been absent almost Thirteen Years. - Boston: Printed and Sold by Green & Russell, in Queen-Street. 1760. - 14 p.

«завывают, словно толпа чертей», «говорят на ломаном английском», и «собираются поджарить живьем» своего пленника»¹¹.

На место самого раннего произведения афроамериканской литературы также претендует баллада «Нападение на Барз» (“Bars Fight”) поэтессы Люси Терри (Lucy Terry Prince, 1730-1821), в котором рассказывается о событиях 1746 года, когда индейцы напали на жителей города Дирфилда, которые занимались уборкой сена. Однако само стихотворение стало известным лишь спустя более ста пятидесяти лет, когда в 1893 году Джордж Шелдон опубликовал его в *New England Magazine*¹².

«Если ценность стихотворения Люси Терри состоит исключительно в том, что это первый известный нам поэтический текст, вышедший из-под пера чернокожего американского автора, то Джупитера Хэммона и Филис Уитли с полным основанием можно считать основателями негритянской поэтической традиции» - пишет в своем труде О. Панова¹³. Джупитер Хэммон (Jupiter Hammon, 1711 – 1806) – чернокожий поэт, чья религиозная поэма «Вечерние размышления» (“An Evening Thought”) появилась на свет в 1761 году и считается первым опубликованным памятником словесности афроамериканцев. При этом значимость творчества Хэммона заключается не только в «хронологическом превосходстве». Его проповедь «Обращение к неграм штата Нью-Йорк» можно считать первым образцом моралистической афроамериканской прозы, а также причислить к первым афроамериканским публицистическим произведениям. «Если нам суждено когда-либо попасть в Рай, то мы не найдем там никого, кто бы смог упрекнуть нас, что мы были черными или что мы были рабами»¹⁴ – подчеркивает писатель. С другой стороны, в своей проповеди Хэммон осуждает

---

¹¹ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - С.80.

¹² Sheldon G. Negro Slavery in Old Deerfield. - *New England Magazine*, 1893. - Vol. 14, № 1. - P. 49-60.

¹³ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - С.80.

¹⁴ Hammon J. An Address to the Negroes in the State of New York. - New York: Printed by Carroll and Patterson, 1787. - P. 20.

и представителей своей расы за глупость и невежество, он утверждает, что «свобода – великая вещь, ...ее стоит заслужить, но...рожденные в рабстве и оковах, многие из нас не смогут распорядиться новой свободой правильно»¹⁵. По мнению профессора афроамериканской литературы Университета Техас Седрика Мэйя, «...религиозные сочинения Хэммона стали крайне необычным вкладом в разгоревшиеся в то время споры вокруг рабства: пока другие афроамериканцы писали в суды и законодательные органы с требованиями свободы, Хэммон отстаивал свое право оставаться рабом»¹⁶.

Важно отметить, что первый этап в истории словесности чернокожих американцев — это «...время становления, которое происходит через ученичество, подражание европейско-американской традиции, усвоение и воспроизведение ее канонов. Сопричастность этой традиции расценивается как важнейшее завоевание. Прежде всего, христианизация и приобщение к книжной культуре необходимы, чтобы негр мог приобрести в глазах общества статус человека, а не вещи и не животного. Способность читать и писать являлась главным аргументом в пользу культурной и, в частности, интеллектуальной полноценности негров»¹⁷. Стереотип любого афроамериканца как необразованного и невежественного дикаря так глубоко врос в сознание общественности, что афроамериканской словесности пришлось доказывать принадлежность своей расы к «роду человеческому». Отсюда «произрастает» основная задача афроамериканской литературы конца XVIII века – «очеловечивание» негритянского населения в глазах белых.

Именно в это время творчество младшей современницы Хэммона негритянской поэтессы Филлис Уитли (Phillis Wheatley, 1753–1783) привело к своеобразному прорыву в восприятии литературы американских негров. Уитли была поэтом в полном смысле слова: многие исследователи отмечают ее

---

¹⁵ Ibid. P. 21.

¹⁶ May C. *Evangelism and Resistance in the Black Atlantic, 1760-1835*. - Athens: University of Georgia Press, 2008. - P. 34-35.

¹⁷ Панова О. У истоков: складывание канона, топики и тематических констант афроамериканской литературной традиции. - Вестник Московского университета, 2013. - Серия 9, Филология. - № 5. - С. 84

поэтический талант, писательское мастерство, способности виртуозного стихосложения. «...38 из 55 дошедших до нас стихотворений поэтессы были опубликованы в 1773 году в единственной ее книге «Стихотворения религиозного и морального содержания». А ведь творческая деятельность ее длилась около пятнадцати лет, и в этом смысле американку можно поставить в один ряд с Китсом или Лермонтовым»¹⁸. Однако поверить в тот факт, что эти характеристики могут принадлежать привезенной из Африки необразованной дикарке (*uncultivated barbarian from Africa*)¹⁹ белой общественности было практически невозможно. Стихотворения Уитли подвергались экспертизе, созывалось авторитетное жюри, и даже имея подписи о подлинном авторстве Филлис Уитли, не каждый мог поверить, что «необразованная» негритянка действительно может стать поэтом. «Она не была великим поэтом. <...> У нее были честолюбивые устремления, но она сознавала и свою ограниченность... Однако фигура Филлис Уитли интересна с исторической точки зрения, ее произведения также важны и интересны – особенно в контексте тогдашнего времени и места...» - рассуждает историк афроамериканской литературы Д. Мейсон²⁰.

Мысль об исторической значимости первых афроамериканских литераторов поддерживает и белорусский исследователь Юрий Стулов: «Помимо самостоятельного интереса, творчество первых негритянских авторов весьма существенно для понимания исторической специфики литературы США, явившей собой результат причудливой «переплавки» — пусть далеко не равномерной и не полной — элементов европейских, индейских и африканских художественных культур. Поэтические выступления Люси Терри, Джупитера Хэммона и прежде всего Филлис Уитли (хотя их ранняя популярность не была

---

¹⁸ Апенко Е. Жизнь и творчество Филлис Уитли // Литература в зеркале эпохи. - Изд-во СПбГУ, 1999. - С. 55.

¹⁹ Wheatley P. Poems on Various Subjects, Religious and Moral by Phillis Wheatley, Negro Servant to Mr. John Wheatley of Boston. - London: Printed for Archibald Bell, 1773. - P.7.

²⁰ Mason J. Introduction. On the Reputation of Phillis Wheatley, Poet. - Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1989. - P. 13-14.

чужда популярности курьеза) с неожиданной силой обращали читателя к реалиям Нового Света, приобретая новое литературное и историко-культурное качество — не просто африканский, но американский колорит»²¹.

На исходе XVIII века в литературе чернокожих американцев возникает целый ряд тем для повествования, которые впоследствии станут топосами афроамериканской словесности. Ольга Панова в своей статье «У истоков: складывание канона, топики и тематических констант афро-американской литературной традиции»²² составляет свою классификацию данных тематик: 1. Образование или грамотность (literacy); 2. Архетипическое движение с Юга на Север, от рабства к свободе; 3. «Колонизация»; 4. Негритянская литература как «негативный снимок» американского демократического общества. Предложенные темы, появившиеся в текстах афроамериканцев, являлись отражением тех социальных и культурных обстоятельств, которые сложились в американском обществе в конце XVIII века.

Высшей ценностью в условиях рабства являлось образование неграмотных рабов. Суеверия, идолопоклонство, фольклор в целом приравнивались к неприемлемым пережиткам негритянской культуры, с которыми необходимо бороться, чтобы стать частью высокой европейско-американской культурной традиции. Бывшие рабы в первых романах, рассказах и автобиографиях подробно описывали обучение грамоте, трудности и препятствия, которые приходилось преодолевать, смекалку, а порой и героизм, которые нужно было проявить рабу, чтобы научиться читать и писать.

Массовое переселение черного населения из южных штатов на север страны также стало топосом афроамериканской словесности. Содержательный аспект движения с Юга на Север заключал в себе символические черты – это было в первую очередь движение от рабства к свободе, от угнетения к независимости, которое не могло остаться неосвещенным в литературе черных.

---

²¹ Стулов Ю. «Невольничье повествование» и современный афроамериканский исторический роман // Гуманитарный вектор. - 2010. - № 4 (24). - С. 155.

²² Панова О. У истоков: складывание канона, топики и тематических констант афро-американской литературной традиции. - Вестник Московского университета, 2013. - Серия 9, Филология. -- № 5. - С. 84-86.

В это же время американские негры начинают возвращаться в Африку с миссионерскими и колонизаторскими целями, чтобы распространять на «старой» родине христианство и ценности европейско-американской цивилизации. Именно отсюда возникает мотив путешествия, очень характерный для афроамериканской словесности конца XVIII века. Тему возвращения американских негров на историческую родину (тему репатриации негров) можно наблюдать во многих текстах как черных, так и белых писателей.

Социальные условия рабов, установленные американским обществом на рубеже XVIII – XIX веков, все больше способствовали появлению тенденций и тематик в афроамериканской литературе, которые воспринимали и репрезентировали реалии жизни и быта черного населения Америки как продукта тиранического общественного строя. О том, что такое на самом деле быть черным рабом в Америке, мог достоверно и правдиво рассказать только сам раб, испытавший на себе ужасы неволи и все чудовищные жестокости судьбы. Именно в это время «из под пера» рабов-афроамериканцев выходит ряд текстов, которые получили впоследствии название «*невольничьи повествования*» (“slave narratives”) и сыграли знаковую роль в развитии литературы негров.

Первые невольничьи повествования появляются в последние десятилетия XVIII века, однако своего пика данный жанровый канон достигает в 40-е и 50-е годы XIX века, пред началом Гражданской войны. Известная отечественная исследовательница жанра Ирина Удлер отмечает, что невольничье повествование «...бесспорно, является архетипом различных жанров афроамериканской художественной литературы, документалистики, публицистики»²³. Ольга Панова подчеркивает, что «...нельзя забывать и о том, что по сути дела slave narrative — это целый конгломерат жанров. ...Здесь соединяются автобиография, рассказ о духовном пробуждении (conversion), мемуары, публицистика, причем некоторые жанровые элементы при этом

---

²³ Удлер И. В рабстве и на свободе: становление и эволюция документально-публицистического жанра «невольничьего повествования» в XVIII-XIX веках. - Челябинск: Энциклопедия, 2009. - С. 7.

переживают метаморфозы, превращаясь в свою противоположность, как, например, классическая автобиография»²⁴.

Невольничьи повествования представляют собой в большинстве своем жизнеописания и автобиографии черных рабов, все они по большей части объединены, согласно мнению профессора А. Ващенко, «...типологической общностью сюжета: герой, переживая невероятные лишения и страдая от несправедливости, одержим стремлением к освобождению. Порой судьба автора связывается с волей провидения, которая служит свидетельством правоты дела, отстаиваемого повествователем, и укором угнетателю»²⁵. При этом, для “slave narratives” можно выделить ряд характерных особенностей²⁶:

- как правило, повествование ведется от 1-го лица и сопровождается зачином “I was born...” (“I was born in the city of Agimaque, on the coast of Fantyn...”²⁷; “I Was born in the City BOURNOU”²⁸)
- автор всегда отмечает, что он был свободнорожденным в Африке, что впервые в литературе американских негров подчеркивает не просто его расу, а гордость за принадлежность к ней;
- повествование всегда обращено к белому населению;
- установка на фактологичность, правдивость, большое количество детальных описаний, чисел, перечислений (“My master's family consisted of two sons, Andrew and Richard; one daughter, Lucretia, and her husband, Captain Thomas Auld. They lived in one house, upon the home plantation of Colonel

---

²⁴ Панова О. У истоков: складывание канона, топики и тематических констант афро-американской литературной традиции. - Вестник Московского университета, 2013. - Серия 9, Филология. -- № 5. - С. 85.

²⁵ Ващенко А. Жанр негритянской автобиографии. Возникновение романа // История литературы США. Том III. Литература середины XIX в. (поздний романтизм). - М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. - С. 493.

²⁶ Удлер И. В рабстве и на свободе: становление и эволюция документально-публицистического жанра «невольничьего повествования» в XVIII-XIX веках. - Челябинск: Энциклопедия, 2009. - 50-80 с.

²⁷ Cugoano O. Narrative of the Enslavement of Ottobah Cugoano, a Native of Africa; published by himself, in the Year 1787. - London: Printed by James Bullock. 1825. - P. 120.

²⁸ Groniosaw U. A Narrative of the Most Remarkable Particulars in the Life of James Albert Ukawsaw Gronniosaw, an African Prince, as Related by Himself. - Bath: Printed by W. Gye, 1770. - P. 1.

Edward Lloyd. My master was Colonel Lloyd's clerk and superintendent. He was what might be called the overseer of the overseers”²⁹);

- следование идее провиденциализма, частые аллюзии на Библию;
- опрокидывание, ироническое переворачивание правил, принятых в белой литературе³⁰. В отличие от принятых в белой литературной традиции норм начинать повествование со сведений о семье, родителях, имуществе, предках и знатном роде, в невольничьем повествовании автор на первой же странице поясняет, что он не знает года своего рождения, не имеет понятия о том, кто его отец (иногда высказывается предположение, что это был хозяин-плантатор), совсем не помнит матери. Все семейные, фамильные, воспитательные ценности у него отсутствуют. «У меня нет никаких точных сведений по поводу моего возраста... Большая часть рабов знают о своем возрасте столько же, сколько лошади знают о своем, и сохранять рабов в таком неведении – зачастую желание господ-плантаторов. Я не припоминаю, чтобы когда-либо встречал раба, знающего день своего рождения. <...> Мой отец был белым мужчиной. По слухам, он был моим господином (“my master”). Моя мать и я были разлучены, когда я был еще младенцем. Разлучать матерей с их детьми в раннем возрасте считается нормальным в той части Мэрилэнда, где вырос я»³¹. Вместо рассказа о школе, друзьях, детстве следует длительное повествование о страхе, побоях, голоде, непомерном труде – другими словами, о «воспитании раба», который, не имея детства и должной заботы, с пеленок познает ужасы тирании, насилия и подчинения;
- Африка как образ утраченного Рая, Эдема с великолепной и щедрой природой, которая сменяется пейзажем «американского леса, болота как

---

²⁹ Douglass F. Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself. - Boston: Published at the Antislavery Office, 1845. - P. 8.

³⁰ Andrews W. To Tell a Free Story: The First Century of Afro-American Autobiography, 1760-1865. - Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1986. - P. 15.

³¹ Douglass F. Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself. - Boston: Published at the Antislavery Office, 1845. - P. 1-2.

реальной опасности для беглеца, как почти непреодолимой преграды на пути к свободе»³².

Наиболее значимыми примерами невольничьих повествований можно считать три образца - повествования Густава Вассы, Джеймса Алберта и Джона Стюарта, причем все три являются частью чрезвычайно важного исторического, географического, социологического, культурного явления «Черная Атлантика»³³.

Уроженец современной Ганы Оттоба Кьюгоано (Ottobah Cugoano, 1757-1791) попал в рабство в 13-летнем возрасте, однако, будучи выкупленным английским торговцем, приплыл в Англию, принял крещение и, освободившись, получил христианское имя «Джон Стюарт». Его «Повествование о порабощении Оттобы Кьюгоано, уроженца Африки, опубликованное им самим»³⁴, вышедшее в свет в 1787 году, затрагивает многие социальные вопросы, которые спустя век станут основой аболиционистской прозы. Кьюгоано рассказывает о том, как африканских детей путем уговоров и похищений заманивали на рабовладельческие суда, какие ужасы творились на самих кораблях, когда «смерть желанней жизни» (“death was more preferable than life”³⁵), затрагивается тема сексуального насилия и разврата. Новый Свет ассоциируется у автора с «рабством и состоянием ужаса», однако он отдает должное европейской книжной традиции, занимается обучением и готовится использовать свои знания в помощь всем тем, «кто был варварски продан в плен и незаконно удержан в рабстве» (“who are barbarously sold into captivity, and unlawfully held in slavery”³⁶).

---

³² Удлер И. Специфика трактовки и функций природы в афро-американских «невольничьих повествованиях» XVIII-XIX веков. - Вестник Пермского университета, 2011. - № 3 (15). - С. 104.

³³ Gilroy P. *The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness*. - Cambridge: Harvard University Press; London & New York: Verso, 1993. - 277 p.

³⁴ Cugoano O. *Narrative of the Enslavement of Ottobah Cugoano, a Native of Africa; published by himself, in the Year 1787*. - London: Printed by James Bullock. 1825. - P. 120-127.

³⁵ Ibid. P. 124.

³⁶ Ibid. P. 127.

«Повествование о самых примечательных событиях из жизни Джеймса Альберта Юкосо Гроньосо, африканского принца, рассказанное им самим»³⁷ (1770) также представляет собой важный образец невольничьего повествования конца XVIII века. Юкосо Гроньосо (James Albert Ukawsaw Groniosaw) родился в Нигерии, был похищен работоторговцами в 15 лет и отправлен на рабовладельческом корабле в Америку, позже его хозяином стал священник-протестант, который окрестил своего раба, дал ему имя «Джеймс Альберт», а вскоре и вовсе даровал свободу. После смерти хозяина Юкосо переехал в Англию, где позже и был опубликован его труд. В данном повествовании мы впервые видим идею провиденциализма – автор убежден, что его прибытие сначала в Новый Свет, а потом и в Англию, – результат действия сил провидения, дар, снизошедший для утоления духовной жажды, которую он всю жизнь испытывал. Появляется топос Библии, библейского начала, впервые, по мнению Г. Гейтса³⁸, в афроамериканской литературе возникает образ «говорящей книги» (“talking book”).

Лучшим образцом невольничьего повествования, а также важнейшим памятником всей ранней англо-американской литературы большинство исследователей признают «Интересное повествование о жизни Олоды Эквиано или Густава Вассы, африканца, написанное им самим»³⁹ (1789). По мнению И. Удлер, Эквиано «опирается на своих предшественников Б. Хэммона, Дж. Гроньосо, Дж. Марранта, О. Кьюгоано, вбирает их традиции, особенности их прозы, развивает, переосмысливает их, соединяет с поэтикой африканской мифологии и фольклора и на этой основе создает самое лучшее произведение жанра и аболиционистской литературы XVIII века, оказавшее огромное воздействие на рост аболиционистских настроений в Англии и США и ставшее

---

³⁷ Groniosaw U. A Narrative of the Most Remarkable Particulars in the Life of James Albert Ukawsaw Gronniosaw, an African Prince, as Related by Himself. - Bath: Printed by W. Gye, 1770. - 39 p.

³⁸ Gates H. Introduction: The Talking Book // *Pioneers of the Black Atlantic. Five Slave Narratives from the Enlightenment, 1772-1815.* - New York: Basic Books, 1998. - P. 4.

³⁹ Equiano O. *The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African. Written by Himself: 2 vols.* - London: Printed for the Author, 1789. - Vol. 1 - 272 p. - Vol.2 - 255 p.

главным претекстом для авторов классических образцов жанра «невольничьего повествования» XIX века Ф. Дугласа, У. У. Брауна, Г. Бибба»⁴⁰. Причин для такого успеха было несколько. Во-первых, книга Густава Вассы (*Gustavus Vassa / Olaudah Equiano, 1745-1797*) смогла соединить в себе три самых популярных жанра литературы по обе стороны Атлантики – автобиографический жанр, жанр путешествий и синтетический жанр «записок». Во-вторых, Густав Васса действительно был образованным, начитанным и талантливym автором, это была «первая книга, в которой пометка “Written by Himself” действительно означает, что бывший раб сам написал эту книгу. Начиная с портрета на фронтиспise, где Эквиано держит Библию, раскрытую на «Книге Бытия», из которой взят эпитаф, автор вводит в двухтомное «Повествование» множество доказательств своей грамотности и начитанности»⁴¹. В-третьих, в книге Эквиано удивительным образом уживаются документальное, беспощадное описание страшной реальности рабства и вера в мечту – в «торжество справедливости для черной расы не только на небесах, но и на земле»⁴².

Ольга Панова отмечает еще одну крайне интересную черту во всех трех повествованиях: в них «...постепенно складывается идеализированный образ Англии, как «страны свободы», где нет ни рабства, ни расизма, где негр обладает теми же правами, что и природный британец. В десятилетия, предшествовавшие гражданской войне, образ свободной от рабства и расизма Англии находит свое место в аболиционистской пропаганде»⁴³. В целом же, необходимо еще раз подчеркнуть, что «невольничьи повествования» стали первым опытом расовой самоидентификации черного населения американского континента и дали

---

⁴⁰ Удлер И. В рабстве и на свободе: становление и эволюция документально-публицистического жанра «невольничьего повествования» в XVIII-XIX веках. - Челябинск: Энциклопедия, 2009. - С. 130.

⁴¹ Там же. С. 132.

⁴² Equiano O. *The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African. Written by Himself: 2 vols.* - London: Printed for the Author, 1789. - Vol. 1 - P. 198.

⁴³ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - С. 42.

мощный толчок к развитию литературной традиции и поиску новых форм выражения.

Период начала XIX века ознаменован в американском обществе достаточно важным историческим процессом: репатриацией негров в Африку. Возник ряд организаций, оказывающих поддержку в «возвращении» свободных афроамериканцев на историческую родину. Самой известной из них стало Американское колонизационное общество (“The Society for the Colonization of Free People of Color of America”), основанное в 1816 году. Оно помогло организовать колонию в Либерии как место для вольноотпущенников и к 1867 году оказало помощь в переселении более 13 000 чернокожих американцев. Однако если в самом начале проект репатриации подкреплялся в первую очередь идеями мессианизма и цивилизованности американских негров, которые «воспринимали себя как передовой отряд черной расы, несущий свет истинной веры и достижения высокой западной цивилизации как в Африку, так и в «рассеяние» – страны Нового Света с негритянским населением⁴⁴», то на рубеже 1820-30-х убежденность в правоте сменяется разочарованием в экспансионистских устремлениях. Негритянская образованная элита начинает задумываться о том, что прежде всего необходимо добиться достойного положения представителей своей расы на родине, что приводит к отказу черной элиты от мессианских проектов и обращению к аболиционизму. 20-30-е годы XIX века обозначают начало эры аболиционизма на американском континенте.

Это время становится переломным для культуры, литературы и истории негритянской расы, поскольку аболиционизм стал также «...бесценным интеграционистским опытом политического и культурного сотрудничества белых и черных американцев. Аболиционизм давал возможность активно участвовать в общественной и культурной жизни нации, обеспечивал более широкий доступ к образованию. Совместная работа черных авторов и белых стенографов / редакторов / соавторов над текстами невольничьих повествований, статей и первых опытов художественной прозы, помощь в создании

---

⁴⁴ Там же. С.160-161.

негритянских периодических изданий прямо способствовали количественному и качественному росту негритянской словесности и обретению большей самостоятельности»⁴⁵.

Именно в это время в свет выходит первый афроамериканский роман «Клотель или Дочь президента. Повествование из жизни американских рабов»⁴⁶. Его автор, беглый раб и известный аболиционист Уильям Уэллс Браун (William Wells Brown, 1814-1884) представляет нам довольно эклектичный текст, в котором сочетаются абсолютно разные ингредиенты: «...это публицистика, невольничьи повествования, аболиционистская художественная проза, благопристойно-сентиментальная литература, в первую очередь плантаторский роман. Романное начало здесь погружено в плотный «кокон» документально-публицистического письма»⁴⁷.

Главной героиней романа становится девушка-полукровка. Браун впервые в истории афроамериканской словесности создает образ светлокожего мулата. В афроамериканской литературе этот образ приобретет типологические черты и будет известен как «трагический мулат» (“tragic mulatto” or “tragic mulatta”). Само определение «трагического мулата» по отношению к чернокожему персонажу впервые появится после публикации двух коротких рассказов Лидии Марии Чайлд: «Квартероны» (“The Quadroons”, 1842) и «Милый дом рабства» (“Slavery’s Pleasant Homes”, 1843)⁴⁸. Трагизм этого персонажа заключается как раз в образе главных героев и героинь, которые, с одной стороны, являются рабами, а с другой стороны – кровными родственниками

---

⁴⁵ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - С. 161-162.

⁴⁶ Brown W. Clotel; or, The President's Daughter: A Narrative of Slave Life In the United States. - London: Partridge & Oakey, 1853. -270 p.

⁴⁷ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - С. 351.

⁴⁸ Стерлинг Браун в своем исследовании «Негр в американской литературе» (“The Negro in American Fiction”) отмечает, что жанр литературы о «трагическом мулате» стал основным источником для появления распространенного стереотипа о негре, а так же о том, что жанр опирался больше на популярное восприятие жизни мулатов белыми людьми нежели на опыт самих представителей смешанной расы. Brown, Sterling. The Negro in American Fiction. Reissue. - Port Washington, NEW YORK: Kennikat Press, 1968. - 183 p.

хозяев, богатых рабовладельцев, плантаторов (в романе Брауна речь идет о дочерях одного из отцов-основателей Томаса Джефферсона). Длинная галерея подобных образов, подвергаясь различным трансформациям и осмыслениям, потянется вереницей сквозь многие негритянские романы конца XIX - начала XX веков.

В середине XIX века появляется еще один крайне важный памятник афроамериканской словесности – «Повесть о жизни Фредерика Дугласа, американского невольника. Написано им самим» (“Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself”, 1845)⁴⁹. Его автор, беглый раб Фредерик Бейли (позже Дуглас) (1817—1895) пишет настоящую «... декларацию духовной и интеллектуальной независимости черной Америки»⁵⁰, создавая, по мнению многих исследователей, лучшее произведение в жанре “невольничьего повествования”. С одной стороны, «Повесть...» следует всем законам жанра, который уже четко оформился к 40-м годам XIX века: это и зачин «Я родился...», повествование от первого лица, и тематика грамотности и обучения, и описание ужасов рабства и героического побега к свободе. Вероятно, Фредерик Дуглас ориентировался на образец невольничьего повествования своего предшественника Густава Вассы, поскольку очевидны сходства названий, мотивных структур и тематик. С другой стороны, «Повесть...» является глубоко новаторским образцом “slave narrative”. Уже в названии Дуглас первым из негритянских авторов идентифицирует себя именно как американского невольника (“an American Slave”). Он осознанно отказывается от попыток привлечь внимание внешними эпитетами (мы не встречаем в названии таких характеристик, как “interesting”⁵¹) и сосредотачивается на повышенной документальности повествования, что требовалось во имя разоблачения ужасов рабства (“Я часто просыпался на рассвете от самых душераздирающих криков

---

⁴⁹ Douglass F. Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself. - Boston: Published at the Antislavery Office, 1845. - 125 p.

⁵⁰ Староверова Е. Американская литература. - Саратов: Лицей, 2005. - С. 161.

⁵¹ Имеется в виду сравнение с названием труда Густава Вассы «Интересное повествование о жизни Олоды Эквиано или Густава Вассы, африканца, написанное им самим».

моей собственной тети, которую он по обычаю привязывал к стропилам и стегал по голой спине до тех пор, пока она буквально вся не была покрыта кровью. Чем громче она кричала, тем сильнее он порол ее; и в тех местах, где кровь шла больше всего, он стегал дольше всего. Он порол ее, чтобы заставить кричать, и порол ее, чтобы принудить молчать...»⁵²).

Дуглас впервые достаточно подробно повествует о культуре чернокожих, о роли музыки и песенной традиции в жизни афроамериканцев, что подтверждает их право на существование как отдельной расы, со своей историей, культурой и обычаями. «Традиция фольклорной проповеди естественно и тесно сплетается в «невольничьих повествованиях» с музыкальной фольклорной традицией. Все произведения включают в себя песни, важнейший элемент жизни рабов, наследие устной африканской культуры. Музыкальный фольклор влияет на композицию, трактовку образов, эмоциональную тональность, ритм, основанный на повторах и импровизации»⁵³ – пишет Ирина Удлер в своей статье, посвященной Фредерику Дугласу. Специалист по американской литературе Е. Староверова, говоря о труде Дугласа, отмечает, что «...комплекс содержащихся в ней (книге) мыслей, язык и стиль, которыми они были выражены, опрокидывали все расхожие представления о мыслях и чувствах черных рабов, об их отношении к хозяевам и вообще к белым, о самом институте рабовладения»⁵⁴. Объективное, честное и неприукрашенное повествование стало не просто автобиографией, но исполненной внутренним протестом повестью о том, как рабство растлевает человеческий дух и лишает свободы и раба, и рабовладельца. Именно Фредерик Дуглас первым выразил идею, подхваченную затем всей аболиционистской литературой.

Опираясь на все вышеизложенные факты, мы можем четко проследить, с каким культурным и литературным «багажом» афроамериканская словесность

---

⁵² Douglass F. Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself. - Boston: Published at the Antislavery Office, 1845. - P. 6.

⁵³ Удлер И. «Повествование о жизни Фредерика Дугласа, американского невольника. Написано им самим» в контексте жанра «невольничьего повествования». - Вестник Челябинского государственного университета, 2010. - № 11 (192). - С. 134.

⁵⁴ Староверова Е. Американская литература. - Саратов: Лицей, 2005. - С. 164.

подошла к рубежу веков. Если в XVIII – первой половине XIX веков литература афроамериканцев, будучи еще на начальной стадии развития, почти не отличалась от белых образцов, не имела веса и уважения в качестве самостоятельной ветви «американского литературного дерева», то за короткий период с 1870 по 1910 годы она сделала мощнейший скачок.

2. Время, эпоха, философия, литературное пространство рубежа XIX-XX веков

Небольшой период между окончанием гражданской войны и реконструкции Юга и «Гарлемским ренессансом» (1870-е – конец 1910-х) занимает крайне важное место как в истории американских негров в целом, так и в становлении негритянской словесности в частности. «...Эта эпоха – «мост», уводящий из века 19-го в век 20-й, время перехода, кризиса и поиска новых тем и форм»⁵⁵. В это время происходят очень значительные культурные сдвиги в сознании афроамериканцев, которые нашли отражение в философии, литературе и образе жизни черной Америки. Для того, чтобы проанализировать их природу, необходимо проследить те социальные, политические и экономические обстоятельства, которые сложились на рубеже веков в американском обществе и которые напрямую повлияли на формирование новой ступени в литературе американских негров.

Гражданская война 1861-1865 годов стала общенациональной трагедией. Современные историки отмечают, что в ходе военных действий за четыре года погибших было больше, чем в период любой другой войны, в которой принимали участие США за всю свою историю вплоть до наших дней. Помимо человеческих жертв и гражданской неприязни страна получила катастрофически разрушенный и обезображенный Юг: «...Чарльстон, Атланта, Ричмонд, Колумбия и еще 7 крупных городов были разрушены почти до основания. До

---

⁵⁵ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - С. 404.

войны здесь проживало около 14 % населения всего городского Юга, а после 1865 года оставался всего 1 %. Более того, было уничтожено много сельскохозяйственных плантаций и ферм, сгорела или была утеряна большая часть правовой документации на их владение.»⁵⁶. Сотни людей остались практически без средств к существованию, что стало причиной новой людской трагедии, но уже региональной. Итогом войны стала полная капитуляция Юга, 11 штатов Конфедерации возвратились в Союз, после чего начался период Реконструкции – попытка разрешить экономические, социальные, политические проблемы жизни послевоенного Юга, к которым никто не был готов. В 1865 году после убийства Линкольна, сторонника миротворческой политики в отношении мятежного Юга, на пост президента пришел неавторитетный и неуважаемый Эндрю Джонсон, который не выдержал разногласий с радикально настроенным Конгрессом и передал в его полное ведение «южный вопрос». Учреждались военные администрации, чью власть, однако, никто не мог контролировать. Правительство Севера не могло договориться, до какой степени армия Союза имела право вмешиваться в мирную жизнь граждан, что привело к хаосу и политической неразберихе. Все выборы и назначения на высшие должности в местных органах власти южных штатов контролировались военными, в результате чего откровенных махинаций и фальсификаций уже никто не скрывал. Более того, лишены избирательного права были «...не только все должностные лица, которые были назначены на должности до 1861 года, которые поддержали Конфедерацию, но и все городские чиновники любого масштаба, вплоть до смотрителей кладбищ»⁵⁷, отмечает историк Рандольф Кэмпбелл. Подобный политический коллапс продолжался долгих 13 лет вплоть до 1877 года, когда было прекращено участие армии Союза в жизни и управлении Юга, и официально эпоха Реконструкции была завершена. Ее итогом стали не только

---

⁵⁶ Harold M. Radical Republicans & Reconstruction: 1861-1870. - New York: Macmillan General Reference, 1967. - 218p.

⁵⁷ Campbell R. Gone to Texas: A History of the Lone Star State. - New York: Oxford University Press, 2003. - P. 202.

полная утрата старого Юга и тотальный крах попытки выстроить Юг новый, но и расовая ненависть и расовый террор.

Белое население южных штатов, пережившее политическое отстранение от дел и военную диктатуру армии Союза, стало заново брать власть в свои руки и резко реагировать на административное и вооруженное насилие Севера. Бывшие владельцы получали назад конфискованные в годы войны плантации и отказывались мириться с социальным равенством белых и черных. Считая идею «отмены рабства» отправной точкой своих последующих бед и лишений, белое население Юга решило вымещать свой гнев на этих самых «безответных» освобожденных рабах, которые в период Реконструкции получили возможность участвовать в местных выборах и голосовать. Угрозами и силой бывшие плантаторы принуждали черное население работать на своих прежних хозяев. Начались преследования негров, их лишали должностей, прогоняли с избирательных участков. Получив власть, плантаторы через законодательные собрания штатов проводили особые законы, способные лишать освобожденных рабов права на свободу передвижения, на земельную собственность, свободу слова, собраний и митингов, на браки с белыми – так называемые «черные кодексы» или «Законы Джима Кроу». Эти законы касались не только экономической и политической жизни афроамериканцев, но полностью подчиняли и личную жизнь негров. Стетсон Кеннеди, автор книги «Гид по законам Джима Кроу» (“Jim Crow Guide”, 1990), упоминает в своем труде некоторые простые правила, которые необходимо было соблюдать черным при разговоре с белыми:

- Никогда нельзя утверждать или даже предполагать, что белый человек лжет.
- Никогда не вменять в вину белому человеку бесчестные намерения.
- Никогда не заявлять и тем более демонстрировать знания более глубокие, нежели у белого человека.
- Никогда нельзя проклинать белого человека.
- Никогда нельзя смеяться над белым человеком.

– Никогда нельзя высказывать комментарии по поводу внешности белой женщины⁵⁸.

Любопытны и нормы этикета для черного населения, предложенные «законами Джима Кроу»: черный мужчина не может протянуть руку белому мужчине для рукопожатия, поскольку этот жест предполагает социальное равенство; черные и белые не должны есть вместе; если они все-таки едят вместе, то сначала обслуживаются белые, и между ними должна быть помещена некоторая перегородка; ни при каких обстоятельствах черный мужчина не может предложить белой женщине огня, чтобы закурить сигарету, поскольку данный жест предполагает близость; черным не позволено демонстрировать знаки внимания друг к другу на публике, особенно целоваться, поскольку подобное поведение оскорбляет белых; черных всегда представляют белым, никогда нельзя представлять белых черным; белые автомобилисты имеют преимущества на всех перекрестках и т.д.⁵⁹

Ряд «законов Джима Кроу» стал первым шагом в развязывании расовой войны. На Юге стали появляться разветвленные полувоенные организации (Белая лига, Красные рубашки и т.д.), зверски расправлявшиеся с непокорными неграми и сочувствовавшими им белыми. В период с 1868 по 1871 год особенно свирепствовало одиозное тайное общество Ку-клукс-клан, действуя практически открыто. По разным источникам, численность клансменов к 1871 году составляла от 500 тысяч до 2 миллионов человек. Во второй половине 1890-начале 1900-х. расовый террор достиг своего пика: «...в 1890-х число линчеваний доходило по всей стране до 200 случаев в год; именно в это время произошли самые массовые и впечатляющие расовые погромы – в Новом Орлеане (1900), Нью-Йорке (1900) и в Атланте (сентябрь 1906), где в расправах с неграми приняли участие более 10 тысяч белых»⁶⁰.

---

⁵⁸ Kennedy S. Jim Crow Guide: The Way It Was. - Florida: Florida Atlantic University Press, 1990. - P. 14-16.

⁵⁹ Ibid. P. 27.

⁶⁰ Logan R. The Betrayal of the Negro: From Rutherford B. Hayes to Woodrow Wilson. - New York: Collier Books, 1965. - P. 371.

Подобные социальные условия незамедлительно повлекли за собой последствия. Черное население Юга стало организовывать сопротивление (на основе так называемых юнионистских лиг), однако ему не удавалось справиться с таким масштабным террором, что вынуждало афроамериканцев под страхом смерти покидать свои дома. «Если во время гражданской войны и в начале Реконструкции многие свободные, в том числе и образованные, негры с Севера ехали на Юг, чтобы оказать помощь освобожденным собратьям по расе, принять участие в налаживании управления, образования, то с 1877 начинается массовая миграция негров из Черного пояса на Север, изменившая не только культуру и быт черных американцев, но и облик страны в целом»⁶¹.

Знаковые судебные решения в середине 1890-х сыграли важную роль в узаконивании сегрегации, в частности, дело «Плесси против Фергюсона»⁶². Гомер Плесси, будучи на 1/8 черным, был арестован в Луизиане за незаконный проезд в вагоне для белых. Несмотря на Конституцию США, гарантирующую равенство всех перед законом, Верховный Суд США вынес вердикт в пользу властей штата, признав Плесси виновным. Это решение послужило дальнейшей базой для законодательного оправдания расовой сегрегации в Соединенных Штатах Америки, а также закрепления принципа «separate but equal»⁶³.

Волна насилия продолжалась вплоть до 1910-х годов, после чего на федеральном уровне были приняты антиклановские законы, а количество линчеваний значительно уменьшилось. Однако расовая сегрегация вжилась в плоть общества, и, по словам современных американцев, рубец от этой раны не исчезает и по сей день.

Социальный контекст американского общества на рубеже веков, крайне нестабильный и неоднородный, стал при этом достаточно плодотворной почвой для прорастания новых культурных явлений. Наибольшее влияние на культурную эволюцию Америки оказали две европейские концепции XIX века –

---

⁶¹ Панова О. Моделирование образа черной расы в американской культуре и литературе рубежа 19-20 вв. // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2014. - №1. - С. 78.

⁶² Brook T. Plessy V. Ferguson: A Brief History with Documents. - Bedford: St. Martin's, 1997. - 205 p.

⁶³ Этот принцип станет основой политических взглядов и философии Букера Т. Вашингтона.

дарвинизм и позитивистская философия Герберта Спенсера⁶⁴. Более того, начало новой эры совпало с распространением в Америке евгеники – теории селекции применительно к человеку. Интерес к идеям биологического детерминизма и евгеники переживал настоящий бум в американском обществе, в данной области трудились самые известные тогда медики, психологи, биологи, в 1910-х годах работали уже целые центры евгеники («Ассоциация американских селекционеров» (“American Breeder’s Association”, 1906), «Фонд улучшения расы» (“Race Betterment Foundation”, 1906), «Бюро евгенических записей» (“Eugenics Record Office”, 1911)), различные фонды оказывали мощнейшую финансовую поддержку исследованиям и экспериментам. Интерес к евгенике приобрел со временем не просто социальную, но и расовую направленность: студенты Гарварда ставили себе цель «...защитить от размывания и деградации «золотой фонд» англо-саксонской расы – американцев-северян англо-саксонского происхождения из высшего и среднего класса»⁶⁵. Подобные культурные веяния еще больше осложняли и без того шаткое социальное положение негритянской расы в условиях радикальных настроений американского общества.

Расовая война, линчевания, сегрегация, евгенические практики – все эти явления американской действительности дают право многим исследователям называть период рубежа XIX-XX веков «надиром» негритянской культуры – «низшей точкой в истории американских негров»⁶⁶, Д. Брюс говорит о «низшей точке» в межрасовых отношениях⁶⁷. Лицом к лицу столкнувшись с гонениями, террором, расправами, афроамериканскому населению Америки было чрезмерно сложно быстро скооперироваться и единым фронтом выступить в свою защиту.

---

⁶⁴ Кузнецова Т., Уткин А. История американской культуры. - М.: Человек, 2010. - С. 171-173.

⁶⁵ Панова О. Моделирование образа черной расы в американской культуре и литературе рубежа 19-20 вв. // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2014. - №1. - С. 79.

⁶⁶ Logan R. The Betrayal of the Negro: From Rutherford B. Hayes to Woodrow Wilson. - New York: Collier Books, 1965. - P. 117.

⁶⁷ Bruce D. The Origins of African American Literature: A History of the African American Literary Presence, 1680-1865. - Charlottesville: University of Virginia Press, 2001. - P. 35.

Несмотря на это, рубеж веков, время, полное страхов и опасений, сплотил черную расу как никогда, продемонстрировал, что ей есть, что отстаивать и защищать, и, как итог, дал мощный толчок для нового витка борьбы негритянской общественности за свою теперь уже законную свободу.

Поскольку официальное рабство осталось в прошлом, а во время реконструкции американские негры получили права избирать и быть избранными, этот период стал для них временем больших надежд. В больших городах резко увеличился процент афроамериканского населения по причине массовой миграции из Черного пояса, основывались известные негритянские университеты (университет Фиска в 1866 году, Говардский в 1866 году, университет Таскиги в 1881). Здесь же начал формироваться негритянский образованный средний класс – врачи, писатели, адвокаты, инженеры, учителя, священники и другие профессионалы, а также «черная буржуазия» – класс мелких собственников и предпринимателей⁶⁸. Численность этой негритянской элиты была крайне мала, однако трудно переоценить ее влияние на культурную жизнь черной расы. Именно негритянская элита задавала стандарты, ориентиры и ценности общественной деятельности черных, а также заручилась беспрекословным авторитетом и доверием у менее образованных представителей своей расы⁶⁹.

Однако со временем черная элита стала все больше отделяться от основной части афроамериканского населения, ее образ жизни, быт, образование кардинально разнились с жизненным укладом черных масс, и эта разница становилась все болезненней и невыносимей. Как отмечает Ольга Панова, «... никогда в истории черной расы в Америке элита не была столь трагически одинока – от братьев по расе ее отделяла социальная пропасть, от братьев по классу – расовая. Этот разрыв с массой негритянского населения начнет преодолеваться уже с 1910-х гг., но ликвидирован он так и не будет, и станет

---

⁶⁸ Franklin F. Black Bourgeoisie. The Rise of a New Middle-Class in the United States. - New York: Free Press, 1957. - 264 p.

⁶⁹ Simmons W. Who's Who of Colored Race. A General Biographical Dictionary of Men and Women of African Descent. Memento ed. / Ed. F.L. Mather. - Chicago: F.L.Mather, 1915. - 113 p.

источником вражды между «очкариками» (dicties) и «крысами» (rats), породив еще одно общее место черной культуры»⁷⁰. При этом негритянский средний класс все еще осознавал себя «проводником в лучшие времена» для своей расы, «...на котором лежит ответственность за униженных, обездоленных, неграмотных собратьев и ответственность за общее будущее «черного народа»⁷¹.

Негритянская элита, подражая элите белого населения Америки, сохраняла ориентацию на доминирующие ценности и эталоны викторианской культуры, а потому единственно возможной перспективой для всех афроамериканцев считала лишь поступательную интеграцию в американское общество и, в итоге, полную ассимиляцию черного населения. Подобные идеи ассимиляции были развиты в работах двух крупнейших негритянских мыслителей, философов и общественных деятелей рубежа веков Букера Талиафера Вашингтона и Уильяма Дюбуа. Каждый из них предлагал свой уникальный путь к достижению конечной единой цели – полной интеграции черного населения в американское общество, однако пути эти настолько различались, что вызвали немалое количество споров и полемики в кругах черной элиты.

Букер Талиафер Вашингтон (Booker T. Washington, 1856-1915), сын чернокожей рабыни из штата Виргиния, стал автором более приемлемой для белого населения Америки концепции. В своем труде «Будущее американского негра» (“The Future of the American Negro”, 1899) Букер Т. Вашингтон отмечал: «Среди представителей белой расы, так же как и среди представителей черной расы, есть те, кто с долей уверенности утверждает, что в этой стране нет разницы между белым и черным. Это звучит очень приятно и угождает нашим фантазиям; но когда к этому подключается трезвая, холодная логика, становится очевидно, что разница есть – не врожденная, не расовая, а возвращенная на почве неравных

---

⁷⁰ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - С. 418.

⁷¹ Там же. С. 418-419.

возможностей в прошлом»⁷². Факт отставания негритянского населения от белой части нации, по мнению Букера Т. Вашингтона, оставался очевидным в силу исторических условий, а потому наиболее конструктивной и продуктивной могла оказаться модель «сегрегации во имя будущей интеграции»: сперва чернокожему населению необходимо было временно создать собственные институты и структуры под покровительством белой расы, и лишь потом постепенно слиться с белыми. Заимствование и принятие европейско-американской культуры белых Букер Т. Вашингтон считал необходимой частью процесса интеграции, равноправия же он просил только в двух сферах: в предпринимательстве и праве на получение работы.

Предложенная концепция зиждилась на расовом мире и тесном взаимодействии и сотрудничестве негритянского и белого населения США, а также позволяла заручаться поддержкой государственных и общественных организаций, привлекать влиятельных белых меценатов. На подобных условиях в 1881 году в Таскиги (штат Алабама) был создан Индустриальный педагогический институт для чернокожих. Финансовую поддержку ему оказывали главным образом мультимиллионеры-промышленники и банкиры (среди которых значились Эндрю Карнеги, Х. Х. Роджерс, Уильям Х. Болдуин⁷³), а средств требовалось немало: еще при жизни Б. Т. Вашингтона комплекс Университета и студенческого городка включал в себя более ста зданий. Обучение здесь носило скорее прикладной характер, поскольку основной целью было «...качественно и быстро ознакомить студентов с выбранной специальностью и дать реальную профессию – юриста, агронома, преподавателя, врача»⁷⁴. Подобное «ремесленное образование» являлось необходимостью того времени для представителей черной расы, потому и оказалось столь

---

⁷² Washington B. T. The Future of the American Negro [Electronic resource]. - Boston: Small, Maynard & Company, 1899. - P. 31-32.

⁷³ Aptheker H. Afro-American History: the Modern Era. - New York: Citadel Press, 1971. - P. 104.

⁷⁴ Generals D. Booker T. Washington and Progressive Education: An Experimentalist Approach to Curriculum Development and Reform [Electronic resource] / The Journal of Negro Education. - Vol. 69, № 3. - 2000. - P. 215-216. URL: <http://www.jstor.org/stable/2696233>.

востребованным – к 1915 году число учащихся в Таскиги составляло около 1600 студентов.

Известность к Букеру Т. Вашингтону пришла осенью 1895 года после его 10-минутного выступления на международной торгово-промышленной выставке в городе Атланта (“Atlanta Cotton States and International Exposition”). Он стал первым в истории Америки чёрным человеком, произнесшим публичную речь перед аудиторией, состоящей из белых. Его слова содержали призыв к сотрудничеству и взаимопомощи населения Америки с разным цветом кожи. Полностью свою речь Букер Т. Вашингтон опубликовал позже, в 1901 году, в 14 главе своей знаменитой автобиографии «Воспрянь от рабства» (“Up From Slavery”)⁷⁵, где он очередной раз просил всех задуматься о том, что «...ресурсы, которые мы ищем в других странах, уже есть в *нашем* обществе», осталось лишь забыть расовую неприязнь и помочь друг другу: «Тем белым людям, кто для дохода обращается к рожденным за границей и владеющим другим языком и привычками ради процветания Юга, волен ли я повторить вам то, что говорю своей расе «Сбросьте ведро рядом с собой»⁷⁶. Сбросьте его среди восьми миллионов негров, чьи привычки вы знаете, чью верность и любовь вы испытали..., среди тех, кто пахал ваши поля, рубил для вас древесину, строил ваши железные дороги и города, доставал драгоценности из недр Земли и помог сделать возможной эту невероятную демонстрацию прогресса Юга. <...> Сделав это, вы будете уверены в будущем, как и в прошлом, что вы и ваши семьи будут окружены самыми терпеливыми, верными, податливыми и необидчивыми людьми, каких только видел мир»⁷⁷. Автобиография Букера Т. Вашингтона стала

---

⁷⁵ Washington B. T. Up from Slavery: an autobiography [Electronic resource]. - Garden City, New York: Doubleday, 1901. - 330 p. URL: <https://archive.org/stream/upfromslaveryana00washuoft#page/n9/mode/2up>.

⁷⁶ В 14 главе Букер Вашингтон рассказывает притчу о том, как корабль, потерявшись в море и погибая от жажды, просит воды у встреченного им судна, а то отвечает: «Сбросьте ведро рядом с собой». Когда после третьей попытки корабль получает тот же ответ, он следует совету, зачерпывает ведро и находит в нем пресную воду Амазонки. С помощью этой притчи Б. Вашингтон призывает верить и доверять друг другу, забывая о предубеждениях.

⁷⁷ Washington B. T. Up from Slavery: an autobiography [Electronic resource]. - Garden City, New York: Doubleday, 1901. - P. 220-221. URL: <https://archive.org/stream/upfromslaveryana00washuoft#page/n9/mode/2up>.

примером и вдохновением для многих представителей черной расы, к примеру, Маркус Гарви, деятель всемирного движения за свободы чернокожих, именно под впечатлением от этой книги вернулся на Ямайку и в 1914 году основал там Всеобщую ассоциацию по улучшению положения негров (The Universal Negro Improvement Association, UNIA)⁷⁸.

Речь Букера Т. Вашингтона на выставке в Атланте породила огромную волну внимания к расовой проблеме американского общества, превратив ее автора из неизвестного оратора в крупнейшего негритянского лидера, а также положив начало долгому спору между ним и его оппонентом, еще одной значимой фигурой в истории американских негров, – Уильямом Дюбуа.

Уильям Эдуард Бердхардт Дюбуа (William Edward Burghardt DuBois, 1868-1963), уроженец северного штата Массачусетс, мулат, еще при жизни стал идиологом своей расы и по сей день является символом борьбы негритянского населения за равенство на рубеже XIX-XX веков. Историк, социолог, писатель, публицист, панафриканист, «агитатор-пророк»⁷⁹, «историк-лирик»⁸⁰, «литературный рыцарь с пером, украшенным плюмажем»⁸¹ – этот список определений можно продолжать еще долго, что все равно не позволит полностью выразить значимость Дюбуа для своей эпохи. Однако, очевидно одно – Уильям Дюбуа был в первую очередь творцом истории, его общественная и литературная деятельность приоткрыли миру те стороны негритянской культуры, которые прежде были неизвестны или попросту скрыты.

В отличие от Б. Т. Вашингтона, Дюбуа был противником сегрегации и выступал за скорейшую интеграцию афроамериканцев в «большой мир», что незамедлительно должно было привести к расовому прогрессу. Интеграцией своей расы должна была заниматься черная буржуазия, образованная цветная

---

⁷⁸ Нитобург Э. Афро-американцы США XX века: этноисторический очерк. - М.: Наука, 2009. - С. 30.

⁷⁹ Aptheker Н. Afro-American History: the Modern Era. - New York: Citadel Press, 1971. - P. 56.

⁸⁰ Wesley Ch. Racial Propaganda and Historical Writing/ "Opportunity" - Garden City, New York: Doubleday, 1935. - P. 116.

⁸¹ Ibid. P. 119.

элита или, как говорил сам Дюбуа, «талантливые десять процентов» (“talented ten”)⁸², в рядах которых было много образованных и влиятельных афроамериканцев, способных развивать образование и улучшать условия жизни черного населения, а также выстроить систему здравоохранения и судов. Именно с этой целью с 1910 года Дюбуа начал издавать журнал “The Crisis”, в 1905 году было основано Ниагарское движение (“Niagara Movement”), спустя 5 лет – НАСПЦН (“National Association for the Advance of Colored People”, 1909).

Современники называли Дюбуа наиболее образованным негритянским лидером, что было вполне оправдано. Академическая подготовка Дюбуа, достаточно основательная в математике, лингвистике, психологии, философии и экономике, была особенно солидной в области истории (Герберт Аптекер даже называет одну из глав в своем труде «Дюбуа как историк»⁸³). Он стал первым афроамериканцем, получившим степень доктора философских наук в Гарвардском университете. Дюбуа всегда был сторонником классического образования для негритянской расы, что в очередной раз расходилось с мнением Б. Вашингтона и всегда являлось предметом их ожесточенных споров.

Дюбуа резко выступал против расового неравенства, он отстаивал немедленное предоставление негритянским массам всей полноты социальных и политических прав. Подобная точка зрения была в то время революционной и одновременно почти утопической. «Он (Дюбуа) хотел сорвать завесу, отделявшую цветных от всего мира, но в то же время, находясь за этой завесой, имел возможность видеть свою страну и весь мир, их прошлое, настоящее и будущее по-иному, и его видение мира, бесспорно, отличалось от общепринятого и господствующего в США»⁸⁴.

Революционным можно считать и главный труд Уильяма Дюбуа – «Души черного народа» (“The Souls of the Black Folk”, 1903), книгу, которая «стала

---

⁸² DuBois W. The Talented Tenth [Electronic resource] / The Negro Problem. A Series of Articles by Representative American Negroes of To-Day. - New York: James Pott & Co, 1903. - P. 31-76. URL: <http://archive.org/stream/negroproblemseri00washrich#page/n41/mode/2up>.

⁸³ Aptheker H. Afro-American History: the Modern Era. - New York: Citadel Press, 1971. - P. 56.

⁸⁴ Aptheker H. Afro-American History: the Modern Era. - New York: Citadel Press, 1971. - P. 56.

одной из важнейших в литературной и интеллектуальной истории американских негров»⁸⁵. Здесь негр описывался не как раб, слуга или невежда, а как представитель полноценной расы со своей культурой, литературой, искусством, музыкой и танцами. Уже на первых страницах Дюбуа обозначил важнейшие постулаты своего дальнейшего повествования: «Мы не хотим отбеливать свою душу в потоке белого американизма – поскольку в нашей черной душе заключено сокровище, которое мы несем в мир. Мы просто хотим быть одновременно и черными, и американцами – но так, чтобы наши соотечественники не презирали нас, чтобы Страна Равных Возможностей не захлопывала перед нами двери, не унижала и не бесчестила нас»⁸⁶. В книге автор говорил о таких важных понятиях, как расовый барьер, «линия цвета» (“the color line”), впервые сформулировал понятие «двойственности сознания» (“double consciousness”)⁸⁷, а также вел полемику с Букером Т. Вашингтоном.

Целый очерк основатель афроцентристской «черной эстетики»⁸⁸ посвятил музыке и фольклору, доказывая, что негритянская культура тоже способна творить и создавать, и при этом опровергая стереотип негра «невежды», «животного» и «глупца». Дюбуа выступил здесь в качестве потрясающего публициста, его слова убедительны, сильны, они полны веры и надежды на светлое будущее черного народа, от подражательной традиции не осталось и следа, сам текст поэтичен и самобытен. В последней главе «О песнях печали» Дюбуа писал: «Наступит светлый день, Америка разорвет цепи, и узник выйдет на свободу. Да, он станет свободным, свободным, как солнечный свет, что бьет этим утром в мои глаза, свободным, как те свежие молодые голоса, что доносятся ко мне снизу, из этих кирпично-известковых пещер, трепетные

---

⁸⁵ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - С. 589.

⁸⁶ DuBois W. The Souls of Black Folk [Electronic resource] - Chicago: A.C. McClurg & Co., 1903. - P. 3-4. URL: <http://archive.org/stream/cu31924024920492#page/n15/mode/2up>

⁸⁷ Кормилицына А. Творчество Чарльза У. Чесната в контексте американской литературы рубежа XIX-XX веков. Дисс. ... канд. филол. наук. - Краснодар, 2016. - С. 60.

⁸⁸ Именно так определяет личность Дюбуа Х. А. Бейкер. Baker, Houston A. Modernism and the Harlem Renaissance - Chicago.: University of Chicago Press, 1987. - 122 p.

дисканты и густые басы, складывающиеся в песни, славящие жизнь. И мои дети, мои любимые дети поют восходящему солнцу»⁸⁹.

«Души черного народа» дали мощный толчок обсуждению вопросов неравенства белого и черного населения Америки, став «духовной автобиографией»⁹⁰ афроамериканцев на рубеже XIX-XX веков.

Важно отметить, что Уильям Дюбуа был очень радикально настроенным лидером. Он считал, что расистский подход является пагубным, что он не может не привести к искажению действительности и что подчеркнута антирасистская точка зрения не просто противоположна – она верна. В своем труде 1939 года «Черные люди: прошлое и настоящее» Дюбуа отмечал: «Я ни на минуту не сомневаюсь, что мое негритянское происхождение и причастность к самобытной культуре негритянского народа часто заставляли меня толковать факты слишком благоприятно для моей расы: но это не угрожает моим читателям длительным заблуждением, ибо защитников белой расы великое множество. Негр долгое время был шутком истории, игрушкой антропологии и рабом промышленности. Я пытаюсь показать здесь, почему нельзя более придерживаться этой позиции. Я отдаю себе отчет в том, что историческая истина постигается не из уст крайних точек зрения, а скорее из трудов представителей бесстрастной науки, которая занимает промежуточное положение. Ее делу я стремлюсь служить, и там, где мне это не удастся, я по крайней мере прилагаю истинные усилия, пытаюсь найти истину»⁹¹.

Для научной и общественной деятельности Дюбуа характерна исключительная целенаправленность. Начиная с его речи при присуждении ему в 1890 году ученой степени в Гарвардском университете и кончая посмертно опубликованной «Автобиографией», главной темой его произведений всегда

---

⁸⁹ DuBois W. The Souls of Black Folk [Electronic resource] - Chicago: A.C. McClurg & Co., 1903. -P. 250. URL: <http://archive.org/stream/cu31924024920492#page/n15/mode/2up>

⁹⁰ Brodwin S. The Veil Transcended: Form and Meaning in W. E. B. DuBois' The Souls of Black Folk [Electronic resource] / Journal of Black Studies. - March, 1972. - Vol. 2, №. 3. - P. 303-321. URL: <http://www.jstor.org/stable/2783720>

⁹¹ DuBois W. Black Folk Then and Now (The Oxford W. E. B. Du Bois) An Essay in the History and Sociology of the Negro Race [Electronic resource] - Oxford University Press, 2007. - 301 p. URL: <https://www.amazon.com/Black-Folk-Then-Oxford-Bois/dp/0195325826>

была одна и та же мысль о том, что «...служение своему народу и борьба за равенство прекрасны, разумны и необходимы, тогда как алчность и элитаризм уродливы, бессмысленны и опасны»⁹².

Фигуры Дюбуа и Букера Т. Вашингтона, несмотря на их громкие разногласия и полемику, явились основным «центром философской мысли» черного народа Америки, общественная деятельность этих двух корифеев афроамериканской мысли положила начало так называемому «атлантскому компромиссу» между белыми и черными лидерами в южных штатах. Тандем философий Дюбуа и Вашингтона наглядно демонстрировал, что «очевидно, ключевой силой в негритянской словесности этого периода было взаимодействие между расизмом и кодексом среднего класса, которого придерживались литераторы. Именно это взаимодействие обеспечивало динамику черной литературы после периода Реконструкции, служило источником конфликтных ситуаций»⁹³. Столкновение аболиционистского идеала с расистскими практиками и законами, поиск методов адаптации или способов защиты и борьбы, попытки найти общий язык с белой расой составлял основное содержание литературы так называемого «надира».

В монографиях историка Д. Брюса «У истоков афроамериканской литературы»⁹⁴ (2001) и «Черная американская словесность, начиная с периода «упадка»»⁹⁵, написанных в условиях возросшего внимания к ранним памятникам негритянской словесности эпоха рубежа веков (1870-1910-е) разделена автором на три периода: реконструкция Юга (1865-1870-е); «низшая точка» (nadir) в межрасовых отношениях и время господства ассимиляционизма и благопристойной традиции (“genteel tradition”) (1880-1906); переход к

---

⁹² DuBois W. The Philadelphia Negro. - New York: Lippincott, 1899. - 325-327 p.

⁹³ Bell B. The Afro-American Novel and Its Tradition. - Amherst: University of Massachusetts Press, 1987. - P. 10.

⁹⁴ Bruce D. The Origins of African American Literature: A History of the African American Literary Presence, 1680-1865. - Charlottesville: University of Virginia Press, 2001. - 374p.

⁹⁵ Bruce D. Black American Writing from the Nadir: The Evolution of a Literary Tradition, 1877-1915. - Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1989. - 272p.

негритянскому ренессансу двадцатых годов (1906 – конец 1910 -х). В нашей работе мы сосредоточимся в большей степени на втором периоде из предложенной классификации, поскольку именно в эти годы Чарльз Чеснатт писал произведения, которые мы рассматриваем в настоящем исследовании.

После Реконструкции Юга начался новый виток развития литературы американских негров. С одной стороны, черные авторы по-прежнему писали в рамках литературной традиции, выработанной в эпоху рабства, в их произведениях сохранялись основные тематики, образы, формы, модель подражания литературе белых до сих пор не утратила себя. С другой же стороны, мы отчетливо видим, что литературная парадигма изменялась, трансформировалась, обретала новые грани и черты. В контексте происходивших социальных и общественных событий афроамериканские авторы, как и весь черный народ, начали вслух говорить о своих корнях, своей самобытности, своей культуре.

Этот период в литературе афроамериканцев характеризовался первыми опытами «становления этнического сознания»⁹⁶ и попытками формирования своего голоса. На фоне развитой и давно прижившейся культуры белых черному народу важно было предложить миру что-то исконно свое, не заимствованное и не рожденное в традиции подражательства. Подобным «важнейшим аргументом в пользу антропологической и культурной полноценности негров»⁹⁷ стал фольклор негритянской расы. То, что прежде расценивалось как отвратительный пережиток рабства и являлось свидетельством умственной отсталости негров, теперь стало восприниматься как достояние расы, как «выживший элемент» культуры, а позже, в начале XX века, будет и вовсе расцениваться ее сокровищем, единственным, что никто не смог бы отнять.

Российский филолог и переводчик Александр Ващенко в своей статье делает очень важное замечание, обозначая границы фольклора афроамериканцев.

---

⁹⁶ Панова О. У истоков: складывание канона, топики и тематических констант афроамериканской литературной традиции. - Вестник Московского университета, 2013. - Серия 9, Филология. -- № 5. - С. 87.

⁹⁷ Там же. С. 88.

По его словам «к афро-американскому фольклору принято относить чрезвычайно широкий спектр явлений: музыку (и прежде всего, конечно, песенное творчество), прозаические произведения (помимо сказок, целый ряд других повествовательных форм; малые жанры, паремиологию), обычаи и различные стороны жизненного уклада черной общины (folklife), а также имеющие исключительно важное значение многообразные речевые феномены, например, диалектность (в том числе креольский диалект гулла в Южной Каролине) и явления, именуемые в совокупности «черной речью» (“black speech”; в музыке они породили такие направления, как рэпп и джайв), связанные с определенной логикой, ритмикой и огласовкой в построении речевых моделей, с выработкой своеобразного эзопова языка и т. д.»⁹⁸. Все перечисленные фольклорные воплощения являлись отражением «черной души» и афроамериканского сознания, мучительно формировавшегося в американской действительности на протяжении двух веков. Если прежде характерные для негритянского народа черты (такие как эмоциональность, пластичность, непосредственность, ритмичность) считались доказательством отсталости от «рациональной, образованной, процветающей» нации белых, то на рубеже веков они стали осознаваться как дар, ценность черного народа, способные компенсировать однобокость своего белого соседа. «По всей стране с успехом гастролируют негритянские хоры, некоторые коллективы, такие как Fisk Jubilee Singers, становятся звездами национального масштаба»⁹⁹. Здесь и начал формироваться новый образ негра¹⁰⁰.

Литература черных американцев конца XIX – начала XX века молниеносно отреагировала на трансформации в афроамериканском сознании рубежа веков. Первый опубликованный сборник так называемых спиричуэлс (духовных песнопений) «Песни черных рабов в США» (“Slave Songs of the

---

⁹⁸ Ващенко А. Фольклор афро-американцев // История литературы США в 4-х тт. - Т. 3. - М.: ИМЛИ РАН-Наследие, 2000. - С. 473.

⁹⁹ Панова О. Цветные миры. Американская литература в поисках национальной самобытности. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – С. 30.

¹⁰⁰ Подробнее о новом образе негра читай в главе 2.1 «Отход от благопристойного канона и новый образ негра в романе «Дом, скрытый кедром»».

United States”)¹⁰¹ вышел уже в 1867 году под редакцией Уильяма Ф. Аллена. Крупнейший поэт переходной эпохи афроамериканка Фрэнсис Уоткинс-Харпер в свой поэтический сборник «Стихотворения на разные темы» (“Poems on Miscellaneous Subjects”, 1854), помимо традиционного перекладывания библейских сюжетов, включила и аболиционистскую лирику. Она затронула темы «черной женской сексуальности», «черного материнства», проблематику борьбы с сексизмом и расизмом, что даже позволяет некоторым исследователям рассматривать лирику Харпер как «феминистскую» («feminist poetry»)¹⁰².

В 1881 году огромную популярность завоевали «Сказки дядюшки Римуса» (“Uncle Remus, His Songs and His Sayings”)¹⁰³ и их автор Джоэль Ч. Харрис. Несмотря на то, что в персонажах Харриса все еще проскальзывали черты «верного раба», «дядюшки», «послушного негра», мы наблюдаем использование фольклорной традиции, наличие которой нам подсказывает даже обобщенное название всех сказок сборника (“Legends of the Old Plantation”).

Особое место в литературе афроамериканцев 90-х годов XX века принадлежало корифею диалектной поэзии Полу Лоуренсу Данбару (Paul Laurence Dunbar, 1872-1906), который, благодаря протекции Уильяма Дина Хоуэллса, стал первой негритянской литературной знаменитостью. Именно Хоуэллс, будучи влиятельным и известным критиком, первым заметил талант неизвестного еще тогда негритянского поэта, посвятив свою колонку литературного обзора его небольшому сборнику стихов «Великие и малые» (“Majors and Minors”, 1895)¹⁰⁴. Значительную часть стихотворений Данбар написал на негритянском диалекте, говоре, распространенном на

---

¹⁰¹ Allen W. Slave Songs of the United States. [Electronic resource] - New York: A. Simpson & Co., 1867. - 115 p. - URL: <http://docsouth.unc.edu/church/allen/allen.html>

¹⁰² Boyd M. Discarded Legacy: Politics and Poetics in the Life of Frances E. W. Harper, 1825-1911. - Detroit: Wayne State University Press, 1994. - P. 113.

¹⁰³ Harris C. Uncle Remus, His Songs and His Sayings. The Folk-Lore of the Old Plantation. [Electronic resource] - New York: D. Appleton and Co., 1881. - 231 p. URL: <https://archive.org/stream/uncleremushisso01harrgoog#page/n6/mode/2up>.

¹⁰⁴ Dunbar P. Majors and Minors: Poems [Electronic resource] - Toledo: Hadley & Hadley, 1895. - 148 p. - URL: <http://archive.org/stream/majorsandminorsp00dunbrich#page/n5/mode/2up>.

плантациях Юга. «В этих стихах отдана дань стереотипам «традиции плантации», а также приемам «черных менестрелей»: сентиментальность, известная идеализация «южного» уклада. Но его лучшие стихи, написанные на диалекте, отличают мягкий юмор, лиризм, музыкальность, теплота в изображении человеческих чувств и картин южной природы»¹⁰⁵. Эта открытость, принятие себя без попытки скрыть свою расовую принадлежность (Данбар и внешне был мулатом) впечатлили Хоуэллса и заслужили его высокую оценку: «Данбар настоящий поэт и когда говорит на диалекте, и когда пишет на литературном языке, <...> он ходатайствует в пользу негра убедительнее, чем это делал когда-нибудь какой-нибудь другой негр»¹⁰⁶.

Диксон Брюс посвятил целую главу своей монографии творчеству Пола Данбара, назвав ее «Идентичность и двусмысленность»¹⁰⁷. Эта «двусмысленность» или «двойственность» была отражением базового конфликта идентичности, который стал личной драмой самого поэта. С одной стороны, Данбар, соответствуя традиции благопристойности, держался на расстоянии от своих «персонажей из народа», эти образы он очерчивал всегда с иронией и юмором. С другой стороны, осваивая порожденные американской культурой расовые модели, Данбар невольно делал образ негра экзотичным и самобытным на фоне всего остального литературного пространства рубежа веков. Сам поэт часто жаловался на то, что от него ждут только изысканных диалектных стихов в духе популярных минстрел-представлений, а его «серьезная поэзия» никому не интересна¹⁰⁸. «Стремление Данбара отделить себя от минстрел-традиции и старой плантаторской школы говорит о качественно новом уровне расово-культурного самосознания. Присвоение и освоение моделей расовой

---

¹⁰⁵ Гиленсон Б. История литературы США: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2003. - С. 316.

¹⁰⁶ Howells W. Review of Dunbar's Book, Majors and Minors [Electronic resource] // Harper's Weekly. - June 27. - 1896. -- 630 p. - URL: http://bindings.lib.ua.edu/gallery/dunbar_harpers.htm.

¹⁰⁷ Bruce D. Black American Writing from the Nadir: The Evolution of a Literary Tradition, 1877-1915. - Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1989. - 272 p.

¹⁰⁸ Johnson, J. Along This Way: The Autobiography of James Weldon Johnson. - New York: Viking Press, 1933. - P. 160-161.

идентичности, уже выработанных национальной культурой, было для негров болезненным. Острое «чутье момента», свойственное Данбару, проявилось в стремлении ассоциировать свои диалектные опыты с регионализмом, который предполагал не только уважительный интерес к экзотическому материалу со стороны публики, но и «аутентичность автора», который должен был сам принадлежать к культуре изображаемой местности»¹⁰⁹.

Помимо ценного поэтического наследия, Данбар оставил после себя еще и четыре романа, лучшим из которых считается «Забава Богов» (“The Sport of the Gods” 1902), освещающий ситуацию лицемерия и лжи белых людей по отношению как к своему черному соседу, так и собственному закону, а также рассказывающий о том, к чему может привести пренебрежение и безответственность к своему ближнему, даже если у него другой цвет кожи.

В подобном культурном и литературном пространстве начинает творить еще один негритянский автор, первый признанный негритянский прозаик – Чарльз Чеснатт.

3. Чарльз Чеснатт – «пионер» новой негритянской прозы

Чарльз Уоддел Чеснатт (Charles Waddell Chesnutt), первый романист-афроамериканец в истории американской литературы и крупнейший прозаик афроамериканской словесности XIX века, родился 20 июля 1858 года в Кливленде, штате Огайо. Он был старшим сыном свободных чернокожих американцев из Северной Каролины Эндрю Джексона Чеснатта и Анны Марии Сэмпсон. Из-за беспокойной гражданской ситуации, предвещающей войну, родители Чарльза переехали в Огайо и оставались там до окончания Гражданской войны, после чего вернулись в маленький городок Файетвиль (Северная Каролина), где маленький Чарльз провел все свое детство и юность,

---

¹⁰⁹ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - 471с.

закончил школу и получил начальное образование. После смерти матери юноша, чтобы поддержать скромный семейный бюджет, пошел работать в школу местным учителем, позже он преподавал в школах для черных детей в Спартанбурге, Южная Каролина, и Шарлотте, Северная Каролина, а в 23 года его назначили директором школы для белых в родном Файетвиле. Здесь он встретил свою будущую жену Сюзан Перри, дочь успешного парикмахера, с которой вскоре заключил брак.

В самом полном труде о жизни писателя «Литературная карьера Чарльза У. Чеснатта»¹¹⁰ исследователь и историк Уиллиам Эндрюс отмечает, что именно с этого момента Чарльз начал ощущать несправедливость по отношению к черному народу Америки, будущего писателя угнетала расовая дискриминация, которая не позволяла представителям негритянского населения получать достойное образование, достойную работу и человеческое отношение общественности. Этот вопрос касался и автора лично. Дело в том, что дед Чарльза, Ваддел Кейд, был абсолютно белым фермером и процветающим рабовладельцем, чей союз с Анной Чеснатт дал свету отца Чарльза, светлокожего окторона, в то время как мать мальчика Анна Мария была мулаткой. В итоге Чарльз, будучи по происхождению афроамериканцем-октороном (то есть имеющим 1/8 черной крови), мог с легкостью выдать себя за белого. Этот факт его жизни не раз как помогал писателю, так и становился причиной больших неприятностей, а также породил сквозной мотив множества его произведений (“passing for white”).

Став семейным человеком, Чарльзу предстояло найти решение двух важных вопросов: где обосноваться со своей новой семьей и чем заниматься в жизни. Будучи цветным учителем в южном штате, Чарльз чувствовал всю силу расовой дискриминации, не дающей ему права проявить себя в качестве писателя. Чеснатт открыто высказывал свое мнение о том, какое место он занимал в общественной жизни Юга: «Я занимаю здесь положение сходное

---

¹¹⁰ Andrews W. The Literary Career of Charles W. Chesnutt. - Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1980. - P. 2-7.

гробу Магометову. Я ни рыба, ни мясо, ни птица, ни «ниггер», ни белый. Слишком заносчивый для цветных и, что очевидно, не признанный белыми»¹¹¹.

Опасаясь за семью и будущее своих детей, Чарльз Чеснатт переехал на Север, сначала на шесть месяцев в Нью-Йорк, а затем и в родной город Кливленд. Здесь будущий писатель успешно окончил юридический колледж и параллельно начал работать стенографистом в Никель Плеит Реилроад Кампани (“Nickel Plate Railroad Company”), став отцом двух дочерей и сына.

Все свое свободное время Чарльз посвящал писательской деятельности. Его первый короткий рассказ «Дом дядюшки Питера» (“Uncle Peter’s House”) появился в издательстве *Cleveland News and Herald* в 1885 году. Далее последовали новые рассказы, и Чеснатт стал первым в истории афроамериканцем, который был напечатан в литературном журнале *Atlantic Monthly*, одном из самых передовых в то время. Первый рассказ, появившийся в этом журнале, назывался «Заколдованный виноградник» (“The Goophered Grapevine”), с которого началось знакомство белой аудитории с дядюшкой Джулиусом (Uncle Julius), ставшим «рупором» рабского прошлого со всеми его побасенками и мифами.

После публикации «Заколдованного виноградника» к творчеству Чеснатта стало проявлять живой интерес еще одно известное издательство *Houghtin, Mifflin, and Co*, которое в марте 1899 года выпустило полноценный сборник рассказов писателя «Колдунья» (“The Conjure Woman”), повествующий об отношениях между жестокими рабовладельцами и смекалистыми, находчивыми рабами.

Как отмечает С. Рендер в предисловии к сборнику рассказов Чеснатта, «... в Кливленде очень долго никто и не подозревал о его (Чеснатта) афроамериканском происхождении, пока он не начал переговоры с издательством Houghtin, Mifflin, and Co о публикации своих рассказов. В начале своей

---

¹¹¹ Andrews W. The Literary Career of Charles W. Chesnutt. - Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1980. - P. 8-9.

литературной карьеры Чеснатт не ассоциировался с литературой негров, и только в 1890-е годы, когда его узнавали в качестве известного литератора, он объявил себя цветным писателем. С этого момента его творчество начало носить все более выраженный расовый характер»¹¹².

Писатель предпочел не скрывать своей расовой идентичности и решил остаться для всего мира представителем афроамериканской нации. Уильям Дюбуа гордо признавал, что Чарльз Чеснатт был «одним из тех белых, которые из-за наличия более или менее далеких черных предков добровольно решали связать себя с темнокожей частью населения»¹¹³.

Причин такого выбора у Чеснатта было несколько. Во-первых, в юности писатель испытывал трудности в поиске своей расовой идентичности. Он оставался как бы между двух личностей, не осознавая, какая из них являлась его сущностной. Некоторое время он всерьез хотел остаться белым, ощущая превосходство над неграми, однако позже сам иронично высмеивал эти расистские предубеждения на примере героев своих рассказов. Во-вторых, всю зрелую жизнь Чеснатт оставался ярким сторонником ассимиляции, и более убедительным для писателя было освещать эту сторону жизни, являясь представителем черной, а не белой расы. Став цветным добровольно, Чеснатт при этом поддерживал тесную связь с образованной американской элитой рубежа веков, причем как черной, так и белой. В кругу его общения и переписки были Джордж Вашингтон Кейбл, влиятельный редактор У. Д. Хоуэллс, известный общественный деятель Букер Т. Вашингтон, писатель-современник Пол Данбар. Произведения Чеснатта стали публиковать крупные американские журналы, в том числе и созданный Дюбуа “The Crisis”.

В конце 1890-х Чеснат обратился к теме расового барьера и расовых предрассудков. Вышли в свет его эссе «Что такое белый человек?», посвященное

---

¹¹² Render S. Introduction // The Short Fiction of Charles W. Chesnutt. - Washington: Howard University Press, 1981. - P. 30.

¹¹³ Ibid. P. 31.

дискриминационному законодательству южных штатов, сборник рассказов «Жена юности его и другие рассказы о расовом барьере» (“The Wife of His Youth and Other Stories of the Color Line” 1901), а также три важных романа на тему меж- и внутрирасовых отношений: «Дом, скрытый кедрами» (“The House Behind the Cedars” 1900), «Суть традиции» (“The Marrow of Tradition” 1901) и «Мечта полковника» (“The Colonel’s Dream” 1905). В целом, Чарльз Чеснатт оставил после себя достойное литературное наследие, написав более 70 рассказов, три романа, более тридцати эссе, рецензий, статей и заметок.

Чеснатт до конца жизни не изменял себе, оставаясь активным участником движения за равные права черных и цветных, а потому «...был отмечен наградами НАСПЦН. В 1928 году он был награжден медалью Спингарна за общественные и литературные заслуги. После его смерти университетской библиотеке Фейетвила было присвоено его имя, а на здании колледжа, где он преподавал, была установлена мемориальная доска. В честь Чарльза Чесната были названы улица и начальная школа в Кливленде, штат Огайо»¹¹⁴.

Наследие Чеснатта до сих пор остается мало изученным, хотя представляет собой незаменимый памятник афроамериканской словесности рубежа XIX-XX веков. В нашей работе мы постараемся проанализировать некоторые его произведения и на их основе проследить, каким образом сознание афроамериканцев той переходной эпохи отражалось в литературном творчестве Чарльза Чеснатта.

Глава II Творческое воплощение афроамериканского сознания в произведениях Чарльза Чеснатта

2.1 Отход от благопристойного канона и новый образ негра в романе «Дом, скрытый кедрами»

---

¹¹⁴ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - С. 562.

«Дом, скрытый кедрами» (“The House Behind the Cedars”, 1900)¹¹⁵ - первый и самый известный роман Чарльза Чеснатта.

История создания романа началась задолго до 1900-го года. В 1890-м году Чарльз Чеснатт написал рассказ «Рена Уолден» (“Rena Walden”), который, однако, так и не вышел в свет. Редактор журнала “Century” Ричард Ватсон Гилдер отказался опубликовать его, указав на «бесформенную» природу рассказа (“amorphous” nature of the story)¹¹⁶, а также на несоблюдение читательской привычки видеть отношения рас лишь в бинарном ключе: для белой читательской аудитории представители смешанных рас (“mixed race”) не могли быть главными и самыми значимыми персонажами в литературе. Гилдер писал в письме: «То ли это из-за отсутствия юмора у автора, то ли из-за brutality персонажей, или отсутствия выдержанности и спонтанности жизни в героях – я не знаю из-за чего это, но *это* делает героев неинтересными. Я думаю, здесь ошибка автора»¹¹⁷. Спустя несколько месяцев Чеснатт заметил: «Я боюсь, что в обществе слишком много подобных настроений, чтобы сделать мулатов положительными журнальными героями»¹¹⁸. Однако вместо того, чтобы забыть о рассказе, он продолжал упорно трудиться над произведением под руководством Джорджа Вашингтона Кэйбла. Чеснатт правил его, дорабатывал, расширяя пространство текста до объемов романа, более детально прописывал образы второстепенных персонажей, а также усложнял сюжетную структуру произведения, углубляя проблематику и дотошнее освещая расовый вопрос и межрасовые отношения. Через 10 лет роман вышел в свет, принесся известность своему автору и породив новый всплеск дискуссий о расовых барьерах.

---

¹¹⁵ Chesnutt C. The House Behind the Cedars. - New York: Houghton, Mifflin, and Co., 1900. - 310 p. URL: <http://archive.org/stream/housebehindcedar1900ches#page/n5/mode/2up>.

¹¹⁶ Simmons R. Chesnutt and Realism: Study of the Novels. - Alabama: University of Alabama Press, 2006. - P. 66.

¹¹⁷ Wilson M. Whiteness in the Novels of Charles W. Chesnutt. - Jackson: University Press of Mississippi, 1998. - P. 53.

¹¹⁸ Chesnutt C. “To Be an Author”: Letters of Charles W. Chesnutt, 1889-1905. / eds. Joseph R. McElrath, Jr., and Robert C. Leitz. - Princeton: Princeton University Press, 1997. - P. 63.

Кратко напомним сюжет. Молодая привлекательная девушка Рина и ее брат Джон Уолден – афроамериканцы-октороны, их цвет кожи настолько светел, что любой человек может принять их за белых. Их родители, южный джентльмен-плантатор и свободная рабыня-мулатка, передали своим детям аристократичность, красоту и каплю черной крови, «которая должна определить их судьбу. По закону они цветные, а, значит, им уготован жалкий удел «людей второго сорта»¹¹⁹. Джон уезжает из родного города Пейтсвилла в Северной Каролине в Кларенс (что в соседней Южной Каролине), сохраняя в тайне свои корни, меняет имя на Джона Варвика, осваивается в обществе белых, становится востребованным юристом и, вернувшись однажды в родной город, забирает с собой сестру, которая до этого жила с матерью Молли. В Кларенсе, куда увез Джон сестру, девушка, теперь именуемая Ровеной Варвик, влюбляется в белого аристократа Трайона. Трайон и Рина счастливы вместе и готовы пожениться, Трайон хочет расторгнуть помолвку с некой особой, которую рекомендовала ему мать. Однако по стечению обстоятельств молодой человек узнает о прошлом невесты и не может смириться с тем, что в ее жилах течет капля черной крови. Рина, не в силах найти утешение, возвращается в Пейтсвилль и желает посвятить свою жизнь работе на благо черного населения. Затем на руку Рины претендует мулат Джефф Уэйн, состоятельный фермер, кажущийся честным и благородным. Джефф стремится получить Рину в жены, рассчитывая, что такой брак послужит повышению его социального статуса, и, оказавшись бесчестным негодяем, добивается своей цели всеми возможными путями – от уговоров до попытки изнасилования. Девушку, пытающуюся убежать куда глаза глядят, охваченную лихорадкой и бредом, спасает Фрэнк Фаулер— чернокожий рабочий в их с матерью доме, который всю жизнь любил Рину, был предан ей, однако, по мнению Молли, никогда не смог бы стать достойной парой ее красавице дочери. Трайон, предпринявший уже несколько попыток поговорить с Риной, осознает, что был жесток к ней, что его любовь глубже и выше расовых предрассудков, он

---

¹¹⁹ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - С. 771.

приезжает, чтобы покаяться и просить ее руки вновь, но не успевает, Рина уже мертва. Трайон несчастен, Джон корит за все себя.

В романе тонко освещена проблема интеграции чернокожего населения в американское общество рубежа веков. Сам Чеснатт, будучи ярким сторонником ассимиляции черного населения во имя дальнейшей интеграции, говорит о необходимости искоренения расового барьера для стремительного прогресса нации, однако процесс этот, по его мнению, должен происходить честно и согласованно. Неслучайно автор выбирает в качестве главных героев мулатов: Джон и Рина – октороны, их невозможно отличить от белых, что создает для брата и сестры особый соблазн «затесаться» среди белой расы. Ради достойного положения в обществе и состоятельности Джон и Рина решаются на обман и выдают себя за белых. Более того, уже на первых страницах романа становится ясно, что подобный обман может сработать: Джон уезжает в Южную Каролину, становится уважаемым адвокатом в Кларенсе, женится на богатой дочери плантатора, получает ее огромное состояние, постепенно поднимаясь на верхнюю ступень социальной лестницы. Чеснатт действительно полагал, что расовые различия – лишь условность, которая зиждется исключительно на экономической состоятельности, и если ею можно пренебречь, то разница становится незаметной. Однако автор, осознавая социальный подтекст общества, прекрасно понимал иллюзорность успеха, достигнутого таким путем. Положение Риной и Джона рушится в один миг, жизнь в обмане становится утопией, которой не суждено осуществиться в американском обществе.

Затея выдать себя за белых (“passing for white”) не может устранить расовую неприязнь, напротив, она обостряет проблему, поскольку тайное пересечение расового барьера можно расценивать как признание черными установленных в обществе расовых границ, как психологических, так и экономических. Отсюда и важные вопросы, которые задает в романе автор – каковы «...жизнеспособность подобных фальсификаций и цена, которую

должны заплатить герои за отказ от своей истинной личности»¹²⁰. Чеснатт как никто другой знал эту цену, так как публично объявил свою принадлежность к негритянской расе и всю жизнь боролся с условностями отношений между людьми разных рас. «Чеснатт не осуждает попытку брата и сестры выдать себя за белых, но указывает на опасность такого выбора, чреватого личным крушением. Описывая личную трагедию, Чеснатт указывает на ее социальный смысл – фрустрирование надежд черных и цветных на ассимиляцию и стирание расовых различий. Пока расовый барьер продолжает существовать, никто в обществе – ни черные, ни белые, ни группы, ни индивиды – не могут чувствовать себя свободными. Чеснатт был убежден, что расовый барьер должен быть, так как он препятствует подлинным и искренним межличностным отношениям между людьми разных рас»¹²¹.

«Дом, скрытый кедрами» – попытка деконструкции расовых категорий. Мир, созданный Чеснаттом в романе, является абсолютно нелогичным с точки зрения расовых принципов, ведь именно в этом мире центральные персонажи, Рина и Джон Уолдены, могут быть и белыми, и черными в зависимости от того, какую идентичность они выберут. Чеснатт помещает Рину и Джона в «тиски»¹²² белого общества, которое принуждает их настойчиво и слепо соответствовать ценностям Просвещения – рационализму, справедливости, равенству – с которыми это общество ассоциирует себя. Однако герои сталкиваются с цинизмом общества, несоответствием заявленных ценностей и ценностей реальных, но что еще важнее, они сталкиваются с дисгармонией внутри себя, когда внутреннее наполнение не совпадает с внешней попыткой преподнести себя.

---

¹²⁰ Кормилицына А. Творчество Чарльза У. Чесната в контексте американской литературы рубежа XIX-XX веков. Дисс. ... канд. филол. наук. - Краснодар, 2016. - С. 148.

¹²¹ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - С. 566-567.

¹²² Simmons R. Chesnutt and Realism: Study of the Novels. - Alabama: University of Alabama Press, 2006. - P. 26.

Чеснатт освещает важную мысль в романе – идентичность не выбирают, она существует внутри человека независимо от его желания и не ограничивается цветом кожи. Джон, например, чувствует свою полную причастность к белой расе. Воспитанный на книгах Вальтера Скотта и Сервантеса, осознавая власть и права белых в сравнении с угнетением и нищетой черных, Джон Уолден сам делает выбор в пользу белой идентичности, превращаясь в Джона Уорвика (фамилия, позаимствованная у героя исторического романа Бульвер-Литтона «Последний барон» (“The Last of the Barons”, 1843). Уверенность, с которой он считал себя белым, была непоколебима: «...приятели могли называть его черным; зеркало же доказывало, что Бог, отец всего, создал его белым; и Бог, как его учили, никогда не ошибается – создав его белым, Он хотел, чтобы тот оставался белым»¹²³. Словно становясь героем мифа о рыцарстве Юга, Джон подражает культуре белых, заимствует ее ценности и идеалы, отвергая свое имя и свое прошлое, превращаясь из «Измаила Нового Света» в «Адама Нового света» (“New World Ishmael” into “New World Adam”)¹²⁴. Роман начинается со сцены, когда Джон приезжает в родной Пейтсвилл и предается ностальгическим воспоминаниям, однако прошлое и настоящее в его сознании не имеют причинно-следственных связей. Джон замечает, что город изменился, герой наблюдает обугленные после войны здания, цветного полицейского, высокую башню с часами, еврейские имена на витринах, однако его расовое самосознание настолько стало «белым», что все эти знаки не откликаются в его душе как признаки бедствий его истинного народа. Джон размышляет: «Время затрагивает абсолютно все на земле своей уничтожающей рукой... Но все же остаются места, где Время словно застыло... Кто не видел старого затерянного городишки,

---

¹²³ Chesnutt C. The House Behind the Cedars [Electronic resource]. - Boston, MA; New York: Houghton, Mifflin, and Co., 1900. - P. 60. URL: <http://archive.org/stream/housebehindcedar1900ches#page/n5/mode/2up>.

¹²⁴ Child L. The Quadroons / L.M. Child // The Liberty Bell. - 1856. - №1. - P. 85.

чье развитие прекратилось очень давно, но он все еще сохраняет свой прежний облик без видимого упадка?»¹²⁵.

Однако герою не удается полностью избавиться от своего прошлого. Он по-прежнему остается сыном Молли Уолден и братом Рины, он вынужден навестить родной город, очень важным остается мотив «дома», который даже вынесен автором в название. Судья Стрейт напрямую напоминает Джону о его корнях, пытаясь предостеречь молодого человека от бед: «Ты черный. <...> Если белый человек ударит тебя, ты не сможешь ответить ему тем же и не сможешь свидетельствовать против него в суде. Ты черный, и ты несвободный. Ты черный как чернила, мой мальчик. <...> У тебя были черные предки. Одна капля черной крови делает всего человека негром»¹²⁶.

Судьба Рины Уолден в еще большей степени доказывает трагичность отказа от своих корней. Покинув с братом родной Пейтсвилл, Рина тоже вынуждена изменить имя и не упоминать о своем происхождении. Теперь девушку зовут Ровена Уорвик (имя англосаксонской принцессы из романа Вальтера Скотта «Айвенго» выбирает для своей сестры Джон), ее жизнь становится тяжелой ношей, превращаясь из общего рабства в рабство личное – жизнь в рамках чужой культуры и идеологии. Джон верит в то, что спасает сестру от участи жизни негритянки, однако вместо спасения он создает новую форму заключения для сестры – ловушку в виде белой идеологии Юга. Анна Кормилицына отмечает, что таким образом «...Ч. Чеснат поднимает вопрос о сути расовых различий, которые не ограничиваются различиями в цвете кожи, но проявляются в особенностях культуры и мировосприятия»¹²⁷. Рассказчик повествует о том, что для Рины Уолден «не являлось трудной задачей

---

¹²⁵ Chesnutt C. The House Behind the Cedars [Electronic resource]. - Boston; New York: Houghton, Mifflin, and Co., 1900. - P. 5. URL: <http://archive.org/stream/housebehindcedar1900ches#page/n5/mode/2up>.

¹²⁶ Chesnutt C. The House Behind the Cedars [Electronic resource]. - Boston; New York: Houghton, Mifflin, and Co., 1900. - P.63. URL: <http://archive.org/stream/housebehindcedar1900ches#page/n5/mode/2up>.

¹²⁷ Кормилицына А. Творчество Чарльза У. Чесната в контексте американской литературы рубежа XIX-XX веков. Дисс. ... канд. филол. наук. - Краснодар, 2016. - С. 153.

приспособить свою речь, манеры и в какой-то степени образ мысли к людям, окружавшим ее; но когда это выходило за границы внешнего соответствия и касалось насущных жизненных проблем, то секрет, так угнетавший ее, приводил к трагическим последствиям»¹²⁸. Показательным в романе является момент, когда девушка возвращается к матери в родной город и танцует с афроамериканцами, что наблюдает ее жених Джордж Трайон. «Настоящая дочь своей расы, в которой чувственное наслаждение от движений взяло верх над первенством вкуса и манер»¹²⁹ – так описывает героиню рассказчик, в то время как Трайон не может заметить ничего кроме «обезьяноподобных движений» у своей возлюбленной, что вызывает в нем отвращение. Возможность наличия черноты в человеке подрывает всю логику, на которой доминирующий класс основывает свою власть. Класс белой аристократии, представленный в «Доме, скрытом кедами», прекрасно знает это, именно поэтому он жестко противостоит даже попытке попадания афроамериканской капли в чистую белую кровь. И именно в тот момент, когда девушке больше всего требуется поддержка Трайона, этот «рыцарь» отказывает ей в «знаке любви, сочувствия или сожаления», что приводит ее к трагедии души, а впоследствии и гибели.

Важно отметить, что «...в реальности Рина танцует так же, как когда ее избрали «Королевой любви и красоты». Подражательность, в которой ее обвиняет Трион, куда менее гротескна, чем фарс на турнире в клубе Кларенс, когда его члены, южные плантаторы и бизнесмены в картонных доспехах, метают копья и бьют деревянными мечами по ядрам, подражая средневековым рыцарским турнирам. Ч. Чеснат вслед за М. Твенном высмеивает культ Вальтера Скотта и средневековья на юге, который использовался для укрепления южного

---

¹²⁸ Chesnutt C. The House Behind the Cedars [Electronic resource]. - Boston; New York: Houghton, Mifflin, and Co., 1900. - P. 153. URL: <http://archive.org/stream/housebehindcedar1900ches#page/n5/mode/2up>.

¹²⁹ Ibid. P. 226.

мифа о том, что правящая элита Юга произошла от кавалеров Англии и воплощает их аристократический характер»¹³⁰.

Мы видим, что источником гибели и лишений практически всех героев романа становится расовый барьер, расовые предрассудки, что не присуще основной топики литературы «благопристойного канона». Напомним, что под благопристойным канонам понималось подражание европейско-американской традиции литературы белых, усвоение и воспроизведение ее канонов, где предметом изображения становились викторианские идеалы «gentility»: честь, достоинство, рационализм. В «Доме, скрытом кедами» центральным объектом изображения являются реалии послевоенной жизни Америки, межрасовые и внутрирасовые отношения, проблематика расового барьера (“the color line”) и его пересечения (“passing”), а также уже ставшие насущными к рубежу веков вопросы личностной и расовой идентичности. Происходит значительный разрыв текста с канонами “gentile tradition”: нормы благопристойности не доминируют, они отходят на второй план и сменяются реалиями жизни.

Не менее важный сдвиг происходит на уровне сюжетной организации произведения. С одной стороны, большинство героев полностью соответствуют традиционному типу персонажей литературы «благопристойного канона»: Рина Уолден – светлокожая красавица-полукровка, открытая, честная, нежная, утонченная, исключительно добродетельная, жертвенная; ее мать Молли – необразованная мулатка, навеки преданная своему господину-плантатору; безнадежно влюбленный в главную героиню молодой негр Фрэнк, которому не светит место в высшем обществе; мулат Джефф Уэйн, хрестоматийный злодей, внешне благородный, а в сущности жестокий и аморальный; Джордж Трайон, герой-любовник, «рыцарь» во плоти. Даже имена здесь говорящие. Фамилия Рины и Джона — “Warwick” (дословно «фитиль войны») напоминает нам о личности Ричарда Невилла Уорика, известного как «Делатель королей»; друга Джона, честного судью зовут “Straight”, что означает «прямой, правильный», а

---

¹³⁰ Кормилицына А. Творчество Чарльза У. Чеснаты в контексте американской литературы рубежа XIX-XX веков. Дисс. ... канд. филол. наук. - Краснодар, 2016. - С. 155.

имя преданного негра “Frank” — «честный, открытый». Более того, в романе мы можем заметить типичные черты “romance” – сентиментальной истории о любовном треугольнике Рина-Трайон-Фрэнк. Сентиментальная история строится на аллюзиях на рыцарскую средневековую культуру (которой уподобляется аристократический Юг), автор отмечает особое увлечение южан романом «Айвенго». Вся 5 глава посвящена описанию рыцарского турнира в Кларенсе, где соблюдаются основные традиции и ритуалы идеологического Юга. Чеснатт не единожды упоминает имя Вальтера Скотта, а полное имя Рены — Ровена, так она и представляется на турнире. Все по закону жанра — Ровена теряет платок, его подбирает рыцарь, выигрывает турнир и объявляет свою избранницу «Королевой любви и красоты» (“The Queen of Love and Beauty”).

Однако если отбросить внешний «налет» благопристойности и взглядеться в суть, то можно обнаружить значимые «отклонения» от традиции. Чеснатт нарушает конвенции сентиментального жанра: добродетельной влюбленной оказывается героиня-полукровка, а при наличии жестокого злодея в романе как бы отсутствует благородный влюбленный джентльмен-защитник. На эту роль в первую очередь претендует Джордж Трайон, однако оказывается недостойным ее: Трайон пренебрегает истинной любовью, ставя на первое место расовую неприязнь, за которой ему не удастся увидеть настоящую сущность своей невесты. Рина для Трайона – ровня лишь в социальном и культурном отношении, при этом влюбленных разделяет расовая пропасть. Если Рина Уолден все же оказывается не белоснежной Ровеной, а трагической Ревеккой, то Трайон никак не соответствует идеальному образу Айвенго.

Однако защитник существует. И в его роли выступает не благородный белый рыцарь, а чернокожий слуга Фрэнк Фаулер: именно его добродетели соответствуют общепринятому кодексу благопристойности. Этот персонаж становится антиподом мнимого «героя-рыцаря» Трайона, однако и он не идеален. Фрэнк сохраняет в своем сознании расовую иерархию, говоря о Рине как о представительнице «высшей, превосходящей расы» (“superior race”). Ему не хватает смелости признаться в любви к Рине раньше, и даже обнаружив

девушку в лесу, Фрэнк не сразу смог перейти от привычного обращения «Мисс Рина» к более интимному «Рина». Свое признание чернокожий слуга излагает от третьего лица, что также не соответствует роли идеального джентльмена-спасителя: «О моя милая, моя дорогая... Фрэнк любит вас больше, чем весь этот мир!»¹³¹. Фрэнк максимально близко подходит к преодолению расового барьера, но его персонаж пока не в состоянии сделать это. Тем не менее, автор с чувством заключает, что «сердце чернокожего таит в себе настоящие сокровища чистоты и преданности, до сих пор невидимые миру»¹³². Чеснатт не сохраняет модель традиционного любовного треугольника, поскольку героиня не достается никому: Трайон недостоин ее из-за расовых предрассудков, а Фрэнк – из-за недостатка образования и пренебрежения своей идентичностью. Однако, как итог, традиция канона благопристойной литературы трансформируется, ибо впервые на роль спасителя и главного защитника благородной девушки претендует негр.

Важной темой, которую затрагивает в романе Чеснатт, является проблема внутрирасового расизма. Автор осуждает в своих героях подобные предубеждения столько же яростно, как и межрасовые предрассудки. К примеру, Молли Уолден, мать Рины и Джона, презирает слишком черного поклонника дочери Фрэнка. «Моя дочь могла бы жить в прекрасном доме, выйти замуж за богатого мужчину и передвигаться в своем экипаже. Конечно же, негр бы управлял экипажем, но никогда бы не мог сидеть рядом с ней внутри»¹³³ - рассуждает Молли, однако сама принадлежит к этой же расе, причем является еще менее образованным ее представителем. Очевидно, что утонченную образованную Рину и говорящего на диалекте неграмотного простеца Фрэнка разделяет пропасть – не расовая, а культурная и социальная. Рина даже не замечает его, не осознает его любви и преданности.

---

¹³¹ Chesnutt C. The House Behind the Cedars [Electronic resource]. - Boston; New York: Houghton, Mifflin, and Co., 1900. - P. 290. URL: <http://archive.org/stream/housebehindcedar1900ches#page/n5/mode/2up>.

¹³² Ibid. P. 297.

¹³³ Ibid. P. 48.

На протяжении всего существования американской литературы с начала рабовладения тексты пополнялись новыми образами негра. Первоначальные образы «верных рабов», «довольных черномазых», набожных «дядюшек» и «тетушек» начинают к концу XIX века приобретать ностальгический оттенок, превращаются в «ретро». Но даже в 1880-90-е эти устаревшие амплуа негритянской расы продолжают существовать, поскольку литература все еще по большей части концентрируется в руках белого населения. Сохраняются стереотипы афроамериканца как «ленивого, инфантильного, лживого, вороватого существа, несовместимого с понятиями гигиены и порядка, с низким интеллектом, неуправляемыми аффектами, дефицитом воли, склонного к чревоугодию, сонливости и т.д.»¹³⁴. В период после Реконструкции Юга создаются и прочно укореняются в культуре наиболее отталкивающие расовые стереотипы и мифы об афроамериканской расе как низшей в эволюционном отношении. Об этом подробно пишет Ольга Панова в своей работе «Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации»: «Мужские стереотипы – «черный жеребец» (“black stud”), «черная горилла» (“black ape”), подчеркивают животное начало, агрессивность, преступные наклонности «низшего расового типа» и исходящую от него сексуальную угрозу для женщин белой расы. Женские стереотипы – распутная аморальная соблазнительница «Иезавель» (“Jezebel”); «сердитая негритянка» (“angry black woman”) – мужеподобная, грубая негритянка; «черная ведьма/змея» (black witch / snake) – коварная, злобная мстительная негритянка, способная отравить или зарезать свою жертву во сне. Бытует и стереотип «черного колдуна / колдуньи» (“magic negro”, “conjure man/woman”). В основу мифов о неграх также ложится стереотип, указывающий на биологическую и культурную «недоразвитость», «неполноценность» и аморальность «низшего расового типа» и на его опасность – агрессивность, черты «прирожденных преступников», склонность к насилию. Особый акцент делается на «животной» сексуальности черной расы, «врожденной» склонности к плодовитости у

---

¹³⁴ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - С. 407.

цветных и черных женщин, к агрессии (“violence”) и насилию (“rape”) у черных мужчин. Новые стереотипы подчеркивали сексуальную угрозу, исходящую от негритянской расы: за вождением негра к белой женщине, соблазнительностью плодотворной негритянки для белого мужчины усматривалась грозная перспектива расового смешения, постепенного вырождения и размывания «высшей» нордической расы»¹³⁵.

Важной проблемой для афроамериканских авторов рубежа XIX – XX веков становится создание реалистичного образа негра, психологический портрет и внутреннее наполнение которого вплоть до 60-х годов XX века остается непроницаемым, анонимным. «...В чем мы нуждаемся более всего, так это в реалистической картине духовного мира негра, нарисованной тем, кто способен наблюдать его жизнь изнутри» – отмечает известный американский литературный критик Генри Менкен¹³⁶.

Чарльз Чеснатт первым из афроамериканских авторов так близко подошел к реалистическому изображению негров и представителей смешанных рас в литературе. Критики «Дома, скрытого кедром» ведут споры до сих пор, какой образ «трагического мулата»¹³⁷ Чеснатт изобразил в романе: традиционно-шаблонный или отличный от традиции. С одной стороны, Чеснатт не имел намерения разрушать жанр и его «пагубный стереотип» (“harmful stereotype”)¹³⁸. С другой стороны, мы действительно видим реальность глазами представителя смешанной расы. Образ мулата здесь трагичен не потому, что он нелеп или обижен расовыми предрассудками, а потому, что чувствует свою двойственность, причастность к африканскому наследию и американскому народу одновременно, что делает образ глубже и правдивее. Ватсон отмечает, что Чеснатту удалось

---

¹³⁵ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М.: 2014. - С. 407-408.

¹³⁶ Scroggs C. The Sage in Harlem: H. L. Mencken and the Black Writers of the 1920ies. - Baltimore: Johns Hopkins University Press. 1984. - P. 48.

¹³⁷ Об образе «трагического мулата» смотри стр. 19-20.

¹³⁸ Simmons R. Chesnutt and Realism: Study of the Novels. - Alabama: University of Alabama Press, 2006. - P. 57.

если не изменить традицию жанра, то значительно усовершенствовать ее. По его мнению, в романе герои со смешанной кровью «... либо трагически «вырваны» из своей расовой идентичности, либо являются жертвами трагического потока, который в конечном счете ведет к несчастному концу для них или для окружающих их людей»¹³⁹. Исследователь Дарэл Хатенхайер говорил о «Доме, скрытом кедами» как о произведении смешанного жанра: «Сентиментальность и характер мелодрамы покрывают лежащую в основе тематическую сложность соединения реализма и трагедии»¹⁴⁰.

В письме 1900 года Джону П. Грину Чеснатт замечал: «Я думаю, ты представляешь, как трудно писать книги о расовых проблемах таким образом, чтобы белые прочли их, ибо именно им эти книги и адресованы»¹⁴¹. Чеснатт прекрасно понимал, что средний черный класс был не в состоянии поддерживать литераторов, что большую часть читательской аудитории автора составляло белое население, и в этом вопросе писатель столкнулся с тяжелой дилеммой «жанр-аудитория». Публикуя свои ранние рассказы, которые воспринимались читателями в рамках литературы «местного колорита», Чеснатт оставался в границах малой прозы, претендуя лишь на ностальгическую рефлексия по «старым добрым временам рабства» (“good old times of slavery”). Решив написать полноценный роман, Чеснатт уверенно заявил о своем праве создавать произведения большой формы, в основе которых была реалистическая модель (“realistic mode”). Чеснатт описывал такие стороны жизни афроамериканцев, которые никогда прежде не были представлены в литературе. Для автора главной проблемой было сохранить белую аудиторию, оставаясь честным в повествовании о жизни, которую он знал.

---

¹³⁹ Watson R. The Tragic Mulatto Image in Charles Chesnut's *The House Behind the Cedars* and Nella Larsen's *Passing*. - *CLA Journal* - № 42. - 2002. - P. 48.

¹⁴⁰ Hattenhauer D. Racial and Textual Miscegenation in Chesnut's *The House Behind the Cedars*. - *Mississippi Quarterly*. - № 47. - 1994. - P. 31.

¹⁴¹ Brodhead R. *The Culture of Letters: Scenes of Reading and Writing in Nineteenth Century America*. - Chicago: University of Chicago Press, 1993. - P. 60.

В «Доме под кедрами» мы можем наблюдать, что образ негра изменяется. Появляются нейтральная и положительная коннотации в его упоминании («подвижные негритянские мальчики»; «проворная негритянка»), а зачастую и положительные («приятная негритянская интонация»; «темный молодой человек, небольшой но статный, с внушительным лбом и манерами, говорящими о доброте, уме, чувстве юмора и воображении»).

При этом реальность, которую описывает Чеснатт, далеко не однобока, она пестрит всевозможными вариациями взаимоотношений двух рас, а потому в тексте можно встретить как равное положение белых и черных («места снаружи были заняты белыми и цветными бедняками»), сочувствие одной расы другой («...бедная детка! У белых есть такие же горести, как и у нас черных, и иногда они чувствуют их острее, потому что не привыкли к ним, как мы»), презрение одной расы к другой («Теперь Питер воспринимал улыбку Рины как снисхождение к нему, к свободному человеку, который с окончания войны такой же как и она!»), так и вовсе невозможность принять новый мир («свободный негр Платон продолжал называть своего белого соседа «господин»). При этом Чеснатт подчеркивает недостойные стороны черных, хулит их за это и призывает к действию, к принятию нового мира и собственных попыток что-то изменить в себе (основной конфликт происходит из-за письма, которое мать Джона и Рины Молли не прочла вовремя, так как не умела читать).

Чеснатт делает главный шаг в раскрытии нового образа негра – автор обращается к конкретной личности и упоминает о двойственности сознания афроамериканцев, что обуславливает наличие противоречивых мнений, межрасового сочувствия и внутрирасовой неприязни. Реалистическая традиция становится во главу угла, что дает право многим критикам включить роман в число «реалистических произведений американской литературы рубежа веков».

2.2 Тема расового барьера, борьба представлений и ценностей в сборнике рассказов «Жена его юности и другие истории о расовом барьере»

Сборник «Жена его юности и другие истории о расовом барьере» (“The Wife of his Youth and Other Stories of the Color Line”) был опубликован в 1899 году и включил в себя девять коротких рассказов. Пять рассказов традиционно называют «северными», поскольку местом действия большинства из них является вымышленный город Гровленд, прообразом которого стал родной город Чеснатта Кливленд¹⁴²: «Жена его юности» (“The Wife of his Youth”), «Нянька из Виргинии» (“Her Virginia Mammy”), «Жены дядюшки Веллингтона» (“Uncle Wellington’s Wives”), «Побег Грандисона» (“The Passing of Grandison”), «Дело принципа» (“A Matter of Principle”). События четырех других рассказов – «Букет» (“The Bouquet”), «Паутина обстоятельств» (“The Web of Circumstance”), «Дети шерифа» (“The Sheriff’s Children”) и «Мечта Сисли» (“Cicely’s Dream”) – разворачиваются на Юге. Сборник получил высокую оценку критиков и общественности, Чеснатт стал первым афроамериканским писателем, сумевшим привлечь внимание всей нации к своему творчеству. Джон Ливингстон Уайт утверждал, что выход в свет данного сборника убедил многих, что «...Чарльзу Чеснатту было несомненно предначертано достичь выдающегося положения в американской литературе»¹⁴³.

Исследователи отмечают, что подобный успех сборника был обусловлен новаторством автора именно как литератора. Чеснатту удалось осветить тему расового барьера и расовых предубеждений не просто используя публицистику, статистику и антирасистские лозунги, приравнивая писательство к общественной деятельности, а качественно переработав, преобразовав и изменив саму литературную традицию, повествующую о данных социальных проблемах.

---

¹⁴² Duncan C. The northern stories of Charles W. Chesnutt. - Athens: Ohio University Press, 2004. - P. 20.

¹⁴³ Wright J. Charles W. Chesnutt. - Colored American Magazine. - December, 1901. - P. 76-78.

В сборнике «Жена его юности...» Чеснатт затрагивает вопросы меж- и внутрирасовых предрассудков, описывает уклад жизни образованных черных, приводит примеры пересечения расового барьера не с позиции стороннего наблюдателя, объективного и отстраненного, а с позиции самих афроамериканцев, в сознании которых и происходит борьба представлений и ценностей.

Раньше в литературе преобладали два способа изображения чернокожего американца: либо комически-карикатурный, либо мелодраматический. Эти модели, достаточно однобокие и плоские, можно встретить в произведениях множества американских писателей рубежа веков, «...от реалистов М. Твена, Г. Бичер-Стоу и южных областников Дж.Ч. Харрисона, Т.Н. Пейджа, Дж. Кейбла, Г. Симмса, Дж. Кеннеди – до негритянских писателей-аболиционистов Р. Хилдрета, У. Брауна, Е. Харпера»¹⁴⁴. В сборнике «Жена его юности...» мы видим абсолютно непривычный образ негра, он лишен комизма и фольклорных стереотипных черт, однако при этом наделен способностью принимать серьезные решения, делать выбор, признавать или отказываться от своей идентичности. Автор сосредотачивает свое внимание не только на социальных условиях существования негров в Америке, но и обращается к их внутреннему миру, пытаясь проанализировать модели поведения, мораль, ориентиры сознания в условиях существования в пространстве белой культуры. Эту концепцию новой личности негра отмечал один анонимный обозреватель сборника «Жена его юности...»: «У нас уже были рассказы на негритянском диалекте...мы же хотим понять, что за борьба произрастает в умах его носителей. В сборнике Чеснатт тщательно и щепетильно гарантирует нам это «понимание»»¹⁴⁵.

Главными героями всех рассказов сборника становятся негры и мулаты. Чеснатт стремится раскрыть потенциал характера афроамериканца, вместо

---

¹⁴⁴ Кормилицына А. Творчество Чарльза У. Чесната в контексте американской литературы рубежа XIX-XX веков. Дисс. ... канд. филол. наук. - Краснодар, 2016. - С.63.

¹⁴⁵ Duncan C. The northern stories of Charles W. Chesnutt. - Athens: Ohio University Press, 2004. - P. 14.

условно-дидактических «муляжей» из литературы аболиционизма мы видим здесь живые характеры, полные противоречий, сомнений, затянутые неизбежностью исторического процесса в водоворот культур и не всегда способные опознать в этом потоке самих себя. «Дуализма» или двойственность сознания афроамериканцев, о котором впервые четко скажет Уильям Дюбуа в «Душах черного народа»¹⁴⁶, уже явственно проявляется в образах негров и мулатов, которые в силу обстоятельств усвоили расовую и культурную идеологию белых.

Чарльз Чеснатт впервые в американской литературе воссоздает психологию афроамериканцев, поднимает проблему самосознания представителей черной образованной элиты. Вопрос «идентичности, которому предстояло стать вечным вопросом негритянской литературы» по словам Тони Моррисон¹⁴⁷, становится для большинства героев рассказов ключевым в осознании своего «я».

Теме идентичности посвящены два первых и центральных рассказа сборника: «Жена его юности» и «Нянька из Виргинии». От решения главных героев – признать свою идентичность или отказаться от нее, зависят здесь как судьбы (например, героиня второго из упомянутых рассказов Клара решает, принимать ли предложение руки и сердца возлюбленного или нет), так и моральные устои героев, их самоощущение в обществе и то, способны ли они жить, забыв о своем происхождении.

Главный герой рассказа «Жена его юности» Мистер Райдер принадлежит к привилегированному меньшинству светлокожих афроамериканцев и является председателем организации «Голубые вены» (“Blue Vein Society”)¹⁴⁸ в северном

---

¹⁴⁶ См. стр. 32.

¹⁴⁷ Fishkin S. Interrogating “Whiteness”, Complicating “Blackness”: Remapping American culture. Criticism and the Color Line // Desegregating American Literary Studies / ed. Henry B. Womhman Brunswick. - Rutger University Press, 1996. - P. 94.

¹⁴⁸ Chesnutt C. The Wife of His Youth and Other Stories of the Color-Line. - New York: Houghton, Mifflin and Company, 1901. - P. 14.

городке Гровланде. Собравшиеся вместе, чтобы «...провести свой народ сквозь социальную запущенность»¹⁴⁹, члены «Голубых вен» копируют социальное разделение в белом обществе, большинство из них – афроамериканцы, чей цвет кожи настолько светел, что на нем можно различить голубые прожилки вен (отсюда и название общества). Мистер Райдер, как и многие его единомышленники в организации, в полном смысле слова принадлежит к образованной черной элите: «... черты лица его были изысканны, волосы - почти прямые; всегда опрятно одет, его манеры были безупречны, а моральные устои вне подозрений», «...он мог цитировать целые страницы из книг великих английских поэтов,... был экономен и умел беречь деньги», «...и занимал комфортабельные апартаменты на респектабельной улице»¹⁵⁰.

Райдер собирается жениться на такой же «почти белой» женщине, образованной и безупречной особе Миссис Диксон, в честь которой он устраивает бал, готовясь сделать на нем предложение руки и сердца. Однако перед началом торжества на пороге своего дома главный герой встречает чернокожую женщину, дешево одетую и говорящую на простонародном негритянском диалекте. В этой оборванке Райдер узнает «жену своей юности», женщину, на которой женился, будучи еще рабом на Юге. После войны и Реконструкции Райдер уехал на Север и почти не вспоминал о жене, которая все эти долгие годы разыскивала своего возлюбленного. Райдер находится перед сложным выбором. Он может вполне легально отказаться от жены, поскольку после отмены рабства брак, заключенный бывшими рабами, становился законным, только если оба подтверждали свое согласие, либо объявить себя цветным. Тем самым в первом случае он рискует отказаться от своих истоков, своего настоящего имени, во втором же случае - забыть о намечающейся помолвке и связать себя узами брака с чернокожей женщиной.

---

¹⁴⁹ Ibid. P. 15.

¹⁵⁰ Ibid. P. 17.

Мучительные сомнения одолевают главного героя еще и потому, что если правда откроется, то его репутации и положению будет нанесен значительный урон. Однако Райдер все же признает в пожилой необразованной негритянке Лизе Джейн свою бывшую жену и объявляет об этом на очередном собрании общества «Голубые вены»: «Леди и джентльмены, вы видите перед собой женщину и меня, мужчину, чью историю я вам только что поведал. Позвольте мне представить вам жену моей юности»¹⁵¹. Читатель не видит последствий этого заявления, реакции членов общества и новой возлюбленной. Автор обрывает концовку именно на этой сцене, поскольку для него важным остается один единственный факт – Мистер Райдер принимает решение в пользу своих истинных корней, он признает в себе Сэма Тейлора и не уклоняется от своего прошлого.

Помимо очевидного сюжетного исхода в тексте мы можем почувствовать нескрываемую авторскую иронию. Главный герой, характеризующийся как человек с безупречными моральными устоями, позабыл о женщине, которая была предана ему 30 долгих лет. Чеснатт скептически настроен и по отношению к политике «Голубых вен», автор иронизирует над манерами и взглядами членов общества: они называют себя «счастливчиками», не каждый желающий сможет быть «принятым в этот избранный круг» (“eligible for membership”)¹⁵², а Мистер Райдер устраивает бал в честь помолвки с Миссис Диксон, поскольку это событие «...поможет ускорить процесс слияния с белыми, которого он (Райдер) уже очень долго желает и ждет»¹⁵³. Мы видим здесь очевидную аллюзию на главный лозунг Букера Т. Вашингтона – «сегрегация во имя интеграции», чем и обусловлена авторская ирония. По мнению Чеснатта, похожих на «Голубые вены» организаций на рубеже веков было множество, однако все они, чувствуя свою элитарность, создавали искусственное разделение, которое «...в рамках

---

¹⁵¹ Chesnutt C. *The Wife of His Youth and Other Stories of the Color-Line*. - New York: Houghton, Mifflin and Company, 1901. - P. 38.

¹⁵² Ibid. P. 15.

¹⁵³ Chesnutt C. *The Wife of His Youth and Other Stories of the Color-Line*. - New York: Houghton, Mifflin and Company, 1901. - P. 21.

определенной схемы социального взаимодействия с белым американским обществом на практике неизбежно превращалось в стихийный процесс сегрегации»¹⁵⁴. В дальнейшем это привело к созданию школ для черных, университетов для черных, больниц для черных, жесткая сегрегация получила государственную поддержку и сохраняется, по мнению многих американских историков, по сей день.

Авторская ирония еще более очевидна во втором рассказе сборника «Нянька из Виргинии». Его героиня, учительница танцев Клара Хофедрел отказывает своему возлюбленному из знатной американской семьи, поскольку боится не соответствовать ему по происхождению и статусу. Его прадед был губернатором Коннектикута, а один из предков и вовсе приплыл на «Мейфлауэре» (“one of the ancestors came over in the Mayflower”)¹⁵⁵. Клара считает себя недостойной такого человека, ибо ее происхождение неясно, она – «Мисс Никто из Ниоткуда» (“Miss Nobody from Nowhere”)¹⁵⁶. Девушку воспитала чета афроамериканцев, которые были ее приемными родителями

Героиня, потихоньку убеждает себя, что ее истинная семья родом из Виргинии, а ее настоящие родители – плантаторы-аристократы. Девушка признается своему возлюбленному: «Я нежно люблю своих родителей – приемных родителей.<...> И все же – мне стыдно признаваться в этом – я всегда чувствовала, что я не такая, как они, что между нами есть едва уловимая разница. Они были удовлетворены своим процветанием, были покорны в неудачах; я же всегда была неугомонна, наполнена неопределенными амбициями. Они были хорошими, но скучными. Они любили меня, но никогда не говорили об этом. Я чувствую, что в моих венах течет более теплая, более

---

¹⁵⁴ 17. Кормилицына А. Творчество Чарльза У. Чеснута в контексте американской литературы рубежа XIX-XX веков. Дисс. ... канд. филол. наук. - Краснодар, 2016. - С. 71.

¹⁵⁵ Chesnutt C. The Wife of His Youth and Other Stories of the Color-Line. - New York: Houghton, Mifflin and Company, 1901. - P. 43.

¹⁵⁶ Ibid. P. 47.

богатая кровь, нежели спокойный поток, что струится внутри них»¹⁵⁷. Однако «внутреннее чутье» подводит Клару. Ее родной матерью оказывается полукровка миссис Харпер, «женщина неопределенного возраста, от 40 до 50», «с добрыми, но немного выцветшими глазами»¹⁵⁸, которая, отыскав свою дочь, не решается рассказать ей правду, чтобы не разрушить судьбу девушки. Клара остается в неведении, считая, что мисс Харпер – ее старая нянька из Виргинии.

Миссис Харпер скрывает свое родство и тем самым лишает дочь возможности узнать о своем истинном происхождении. Клара уже давно идентифицирует себя с белыми, усвоив правила расового и социального разделения в обществе. Мисс Хофедрел владеет школой танцев и с успехом преподает в ней. Однако девушка долго думает, когда однажды ей поступает предложение вести уроки танцев для представителей черной расы: «Никогда прежде цветные не обращались к ней по поводу классов; в то время, как женщина этой расы уже семь месяцев аккомпанировала ей на пианино, Клара никогда не задумывалась о цветных как о потенциальных учениках. Таким образом, когда ее спросили, желала бы она вести танцевальный класс для двадцати или тридцати цветных, Клара стала колебаться и попросила время на раздумья. Она знала, что несколько более популярных танцевальных школ не допускали к занятиям, индивидуальным и групповым, учеников, которых общество расценивало как неполноценных, в частности принадлежащих к другой расе...»¹⁵⁹. Однако после с объяснения с матерью убежденность в принадлежности к белой элите становится у Клары настолько сильной, что полностью затуманивает ее рассудок, хотя даже жених девушки Джон «...глядел то на одну, то на другую женщину, замечая очевидное внешнее сходство»¹⁶⁰. «Рассуждения Клары о «зове крови», о «чувстве кровного родства», которое

---

¹⁵⁷ Chesnutt C. *The Wife of His Youth and Other Stories of the Color-Line*. - New York: Houghton, Mifflin and Company, 1901. - P. 45.

¹⁵⁸ Ibid. P. 56.

¹⁵⁹ Ibid. P. 51.

¹⁶⁰ Ibid. P. 56.

никогда не обманывает, в рассказе звучат ироническим выпадом против современных Чеснатту теорий расы и наследственности»¹⁶¹.

Интерпретируя диалог девушки с Миссис Харпер, А. Кормилицына обращает внимание на лингвистические особенности текста Чеснатта. По мнению исследователя, сознание Клары настолько «побелело», что когда «... Миссис Харпер называет себя «мамушкой» (“mammy”), что на диалекте означает «мать», Клара интерпретирует это как «чернокожая няня». Мать заверяет Клару, что она «принадлежала» (“belong”) к одной из самых известных семей в Виргинии, что обозначает еще и быть чьей-то собственностью. Однако Клара делает вывод, что ее мать также член благородной семьи, обретая новое представление о своем происхождении – такое же ложное, как и предыдущее. Страх обнаружить свое истинное расовое происхождение как чернокожей оказывается равносильным для нее потере своей личности, и она неосознанно интерпретирует рассказ матери в пользу того, что она отпрыск благородной семьи»¹⁶².

Проблема самосознания афроамериканцев, поднимаемая Чеснаттом в рассказах, всегда связана с пересечением расового барьера, который заставляет героев делать нелегкий выбор – сохранять верность самому себе и своим корням или стыдиться своего происхождения, цветных родных и южного акцента. Чеснат впервые заостряет внимание на проблеме идентичности афроамериканцев, которая становится для них предметом морального выбора. Именно поэтому большинство персонажей его произведений – люди смешанного расового происхождения. Демонстрируя всю условность расовых различий, Чеснатт изображает мулатов прежде всего с точки зрения их моральных и личностных качеств.

---

¹⁶¹ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - С. 570.

¹⁶² Кормилицына А. Творчество Чарльза У. Чесната в контексте американской литературы рубежа XIX-XX веков. Дисс. ... канд. филол. наук. - Краснодар, 2016. - С. 68.

Если в случае Клары Хофедрел отказ от своих истинных корней произошел из-за «благого» выбора матери, то в следующем рассказе неприятие своей расовой идентичности становится результатом личного выбора центрального персонажа.

Главный герой рассказа «Дело принципа» Сисеро Клейтон – светлокожий афроамериканец, он, как и Мистер Райдер из рассказа «Жена его юности», является «выдающимся членом» общества «Голубые вены» (“prominent member”). Повествование начинается со слов Клейтона, которые он произносит на одной из ежемесячных встреч общества: «То, в чем наша страна нуждается больше всего в отношении расовой проблемы, так это в более ясной концепции братства всего человечества»¹⁶³. Подобные лозунги часто «срываются с губ Мистера Клейтона»¹⁶⁴, за что он даже получает прозвище «Братство Клейтона».

При этом главный герой постоянно подчеркивает тот факт, что он – не негр. Клейтон, внешность которого очень нетипична для мулата, скорее похож на кубинца или латино-американца, и «этот намек на нечто иностранное усиливается наличием клинообразной бороды и аккуратно закрученных воском усов»¹⁶⁵. Сисеро Клейтон отмечает, что «белое население привыкло именовать нас всех неграми», хотя, по его мнению, светлокожие афроамериканцы «наполовину по крови принадлежат к самой сильной и прогрессивной расе современности и имеют право называть себя белыми»¹⁶⁶. Клейтон не признает себя цветным и осуждает социальный остракизм. В этом же духе мыслит и его дочь, юная красавица Мисс Элис Клейтон – «...она была почти белой, и искренне видела свое горе в том, что была белой не полностью»¹⁶⁷.

---

¹⁶³ Chesnutt, Ch. W. *The Wife of His Youth and Other Stories of the Color-Line*. - Boston; New York: Houghton, Mifflin and Company, 1901. - P. 116.

¹⁶⁴ Ibid. P. 116.

¹⁶⁵ Ibid. P. 119.

¹⁶⁶ Ibid. P. 116.

¹⁶⁷ Ibid. P. 119.

Однако убеждения главного героя и его ярое стремление стать признанным членом белого общества заходят настолько далеко, что превращаются в очевидное проявление расизма и подражание поведению белой элиты. Следуя своим принципам, Сисеро Клейтон отказывается принимать участие в любых общественных мероприятиях, от светских встреч до посещения церкви, даже в ущерб интересам и удобствам своей семьи, если среди присутствующих много черных афроамериканцев. А вопрос о том, кто может стать супругом Мисс Элис, в семье Клейтонов уже давно решен: «Мисс Клейтон и ее друзья, по причине присвоенного себе превосходства над черной расой, <...> никогда не выйдут замуж за черных»¹⁶⁸.

Когда Клейтон получает письмо от конгрессмена Хэмилтона М. Брауна с просьбой разрешить ему нанести визит во время пребывания в Гровленде и возобновить знакомство с Мисс Элис, то главного героя прежде всего интересует, не является ли молодой политик мулатом. Приехав на вокзал, чтобы встретить конгрессмена, Клейтон по стечению обстоятельств принимает за него чернокожего священника. С юмором и сарказмом описан панический ужас, который испытывает главный герой при виде «ошибочного» политика: «Чувства Мистера Клейтона в этот момент легче представить, нежели описать.<...> Он пригласил в свой дом, предложил встретиться, организовал развлечения на вечер для слегка цветного человека (“light-colored man”), даже белого человека в теории, который был бы званым гостем, возможно, мужем его дочери, достойным кандидатом на ее руку. Если бы конгрессмен оказался коричневым, даже темно-коричневым, <...>он (Клейтон) мог бы приветствовать его в качестве гостя. Но даже это смягчение критериев не пригодились, поскольку человек в зале ожидания был очевидно, агрессивно черным, с выраженными внешними чертами африканца, с курчавыми волосами и без единой капли белой крови искупления (“redeeming white blood”). Мог ли он, в разрез всем своим принципам и жизненным убеждениям, пригласить этого негра в свой дом и представить его

---

¹⁶⁸ Chesnutt, Ch. W. *The Wife of His Youth and Other Stories of the Color-Line*. - Boston; New York: Houghton, Mifflin and Company, 1901. - P. 120.

друзьям? <...> пригласить такого человека в свой дом было бы подобно попытке выдернуть стрелу из кровоточащей раны»¹⁶⁹.

Клейтон, готовый на вранье и уловки, лишь бы избежать визита конгрессмена, сообщает Брауну в письме о невозможности принять его в своем доме из-за тяжелой болезни дочери. Жена и дочь главного героя незамедлительно разделяют точку зрения Клейтона о том, что «...этот ниггер никогда не перешагнет порог нашего дома»¹⁷⁰, посылают за врачом, и все семейство погружается в нелепую инсценировку болезни Мисс Элис.

Неожиданная развязка рассказа иронична. Статья в утренней газете, на которую натывается Клейтон, рассказывает о том самом конгрессмене как о человеке «...едва темнее большинства белых, с прямыми волосами и темно-синими глазами»¹⁷¹. Только тогда главный герой понимает, что ошибся и лишил свою дочь выгодной партии со светлокожим политиком.

Сюжет «Дела принципа» представляет собой комический, но в то же время очень колкий и язвительный пример проявления внутрирасовых предубеждений в американском обществе на рубеже веков. Несмотря на юмористический тон повествования, Чеснатт глубоко осуждает «принципы» главного героя. Прописывая финальную сцену нарочито театрально и драматично, автор стремится поставить Клейтона в максимально неловкое положение, которое заставило бы его стыдиться своего «жизненного кредо». Кроме того, в рассказе Чеснатт поднимает темы, «абсолютно незнакомые для читателей рубежа веков»¹⁷² – формирование семей высшего класса афроамериканцев и проблемы смешанных браков.

---

¹⁶⁹ Ibid. P. 140.

¹⁷⁰ Ibid, P. 146.

¹⁷¹ Chesnutt C. *The Wife of His Youth and Other Stories of the Color-Line*. - Boston; New York: Houghton, Mifflin and Company, 1901. - P. 148.

¹⁷² Duncan C. *The northern stories of Charles W. Chesnutt*. - Athens: Ohio University Press, 2004. - P. 96.

Сквозной мотив «выдавания» (“passing”) себя мулатами за представителей белой расы, так смело представленный Чеснатом в «Деле принципа», получает неожиданную трактовку еще в одном «северном» рассказе «Побег Грандисона». Любопытен перевод названия рассказа Анной Кормилицыной, которая предлагает вариант «Как Грандисон стал белым» – для слова “passing” исследователь выбирает не дословный перевод, а эквивалент с культурно-историческим подтекстом. Удивительная история чернокожего слуги Грандисона – нежелание быть свободным, героический побег с Севера на Юг, невероятное спасении от аболиционистов – это вывернутое наизнанку «повествование беглых рабов» или, как утверждает Чарльз Дункан, «...модифицированный вариант «невольничьего повествования», на котором базируется вся традиция литературы афроамериканцев»¹⁷³.

Основой сюжета рассказа является попытка Дика Оуэнса, избалованного и ленивого сына богатого плантатора из Кентукки, помочь одному из рабов его отца сбежать на Север и стать свободным. Эта идея возникает у молодого человека как способ впечатлить свою возлюбленную Мисс Ломакс, которую прежде восхитил подобный поступок. Выбор падает на неграмотного Грандисона, который кажется самому хозяину плантации воплощением преданного чернокожего слуги. Дик Оуэнс берет Грандисона с собой в путешествие по Северу страны, пытаясь спровоцировать слугу на побег, однако тот громко провозглашает, что «раб счастливее свободного». Дик хитростью оставляет слугу на Севере, сам возвращается в Кентукки и женится на восхищенной его поступком Мисс Ломакс. Удивлению героя нет предела, когда спустя месяц Грандисон возвращается на плантацию из Канады, вместо того чтобы обрести там свободу. Однако развязка рассказа становится еще более удивительной – спустя несколько недель Грандисон сбегает с плантации со всей своей семьей.

---

¹⁷³ Ibid. P. 29.

История, произошедшая с Грандисоном, настолько впечатляет хозяина плантации, что он восклицает: «Мистеру Симмсу или другим нашим южным писателям следует написать об этом»¹⁷⁴. Рассказ чернокожего слуги действительно напоминает образцы произведений писателей южной школы американского романтизма Г. У. Симмса, У. А. Карузера и Дж. П. Кеннеди, которые изображали «преданных рабов, боящихся аболиционистов, довольствующихся своим подчиненным положением и стремящихся вернуться или действительно возвращающихся на Юг»¹⁷⁵. Однако подобный образ становится для Грандисона лишь маской. Слуга сознательно ведет себя так, как от него ожидают белые, желая сойти за неграмотного, преданного, лишённого собственного мнения – типичного «верного раба». Это позволяет Грандисону манипулировать его инфантильным хозяином и в итоге не просто одурачить его, но и заставить задуматься, кем был его слуга на самом деле. По сути, «...за менестрельной маской «верного раба» скрывается хитроумный трикстер»¹⁷⁶. Чеснатт одним из первых говорит о проблеме социального и психологического «двойничества» афроамериканцев, вынужденных скрывать свои истинные натуры и носить маску, чтобы выжить в обществе белых.

Несмотря на то, что действие рассказа начинается в Кентукки, сюжетная канва уводит двух главных героев в долгое путешествие через весь Север, мы видим пейзажи Нью-Йорка, Бостона, Ниагарских водопадов и даже Канады. Чеснатт фокусирует внимание читателя на описаниях социальных и экономических возможностей Севера, особенно для чернокожих афроамериканцев. По мнению исследователя творчества Чеснатта Чарльза Дункана, «Побег Грандисона» блестяще демонстрирует, как географически, так и

---

¹⁷⁴ Chesnutt C. *The Wife of His Youth and Other Stories of the Color-Line*. - Boston; New York: Houghton, Mifflin and Company, 1901. - P. 227.

¹⁷⁵ Яценко В. Южная школа американского романтизма. - Иваново: Редакционно-издательский отдел Ивановского государственного университета, 1983. - С. 4.

¹⁷⁶ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - С. 573.

тематически, обещания и возможности Севера для афроамериканцев до и после Гражданской войны»¹⁷⁷.

Если рассказ «Побег Грандисона» повествует о возможностях Севера для афроамериканцев рубежа веков, то в рассказе «Жены дядюшки Веллингтона» Чеснатт заостряет внимание на том, насколько эти возможности осуществимы для представителей черной расы. Писатель собственными глазами видел множество примеров, когда чернокожие афроамериканцы, получив свободу на Севере, попросту не знали, что с ней делать. Чеснатт не упрощает данную проблему, он показывает все тонкости и сложности процесса принятия свободы и попыток черного населения организовать в этой свободе нормальную жизнь.

Чернокожий старик дядюшка Веллингтон Брэбой из небольшого южного городка приходит на лекцию профессора Паттерсона на тему «Интеллектуальное, моральное, физическое, политическое, социальное и финансовое усовершенствование негритянской расы в Америке»¹⁷⁸. Сам Паттерсон, «...высокий, хорошо сложенный мулат, в отличном костюме из тонкого сукна с шелковой отделкой, в бархатистой шляпе и рубашке ослепительной белизны – если кратко, то джентльмен выдающейся внешности»¹⁷⁹, рассказывает на лекции о «...идеальном равенстве и счастье, которыми наслаждаются чернокожие на Севере; как они посылают своих детей в школы, где учатся белые; как сидят рядом с белыми в церквях и театрах, едят с ними в ресторанах и хоронят ушедших на одном кладбище»¹⁸⁰. Сперва Веллингтона сомневается в правдивости подобных утверждений, «но покрой одежды, красноречие и ниспадающие усы» профессора убеждают его: только на

---

¹⁷⁷ Duncan C. The northern stories of Charles W. Chesnutt. - Athens: Ohio University Press, 2004. - P. 29.

¹⁷⁸ Chesnutt C. The Wife of His Youth and Other Stories of the Color-Line. - Boston; New York: Houghton, Mifflin and Company, 1901. - P. 204.

¹⁷⁹ Ibid. P. 203.

¹⁸⁰ Chesnutt C. The Wife of His Youth and Other Stories of the Color-Line. - Boston; New York: Houghton, Mifflin and Company, 1901. - P. 204-205.

Севере обычный афроамериканец может превратиться в такой «исключительный цветок цивилизации» (“an exquisite flower of civilization”)¹⁸¹.

Дядюшка Веллингтон решает отправиться в Гровленд в поисках лучшей жизни. Главный герой с радостью покидает свою старую жену-негритянку тетушку Милли и предаётся мечтам о том, что скоро на его пути встретится «грациозная белая женщина, которую он смог бы назвать своей женой»¹⁸². Переехав в Гровленд, дядюшка Веллингтон находит работу и действительно женится на белой женщине, ирландке. Соседи называют его «Мистер Брэбой» вместо привычного «Веллингтон» или «дядюшка Веллингтон», и главный герой воспринимает такое обращение «с тайным удовольствием» в качестве «первых плодов свободы на Севере».

Однако жизнь в Гровленде становится для Веллингтона непреодолимым испытанием. Его выгоняют с работы за пьянство, он вынужден браться за поденную работу, да и жена частенько бьёт своего новоиспеченного мужа, будучи «неудовлетворенной их матримониальными отношениями». Север, который прежде виделся главному герою «как земля, омываемая молоком и медом» (“a land flowing with milk and honey”)¹⁸³, оказывается для него местом унижения и обмана. Чеснатт, сочувствуя наивности Веллингтона, замечает: «В теории цветной мужчина может быть так же успешен, как и белый мужчина, но ни один не станет таким без денег, таланта или позиции. Дядюшка Веллингтон обнаружил много преимуществ, открытых для него на Севере, но он не был достаточно образован, чтобы достичь положения, в котором мог бы ими воспользоваться»¹⁸⁴. Многие блага оказываются для главного героя слишком дорогими и оттого становятся еще более недоступными, чем когда-либо. Амбиции, азарт Веллингтона, его жажда приключений и желание быть похожим

---

¹⁸¹ Ibid. P. 206.

¹⁸² Ibid. P. 207.

¹⁸³ Ibid. P. 207.

¹⁸⁴ Ibid. P. 251.

на профессора Паттерсона «не могли больше преобладать над инерцией старых привычек и мыслей»¹⁸⁵.

В итоге главный герой, не выдержав жизни на Севере, возвращается на Юг, приходит с повинной к бывшей жене тетушке Милли, «неграмотной простушке», которая, как оказалось, проявляет гораздо больше благородства и мудрости, чем ее бывший супруг – «...эта чернокожая Пенелопа хранит верность своему непутевому мужу, стойко отвергая всех претендентов на ее руку, сердце и имущество»¹⁸⁶.

Чарльз Чеснатт убедительно раскрывает психологию характера дядюшки Веллингтона, пожилого афроамериканца, прожившего всю жизнь в маленьком провинциальном городке на Юге страны, где ему все было привычно и знакомо. Чернокожая жена, от которой Веллингтон мечтал избавиться, все же постоянно заботилась о нем, а добродушные соседи и знакомые не раз выручали Веллингтона из мелких неприятностей. Привилегии Севера не смогли заменить для главного героя общность забот и интересов афроамериканцев, сходство жизненного уклада чернокожей общины. Автор приходит к выводу: «Свобода, равенство, привилегии – все это было пылью по сравнению с его тоской по знакомым пейзажам и лицам»¹⁸⁷. «Оторванность героя от жизни общины и незнание реалий жизни на Севере, требующих от каждого больших умений и амбиций, чтобы преуспеть, делает Веллингтона «чужим» в новых для него условиях»¹⁸⁸. Герой оказывается не способен оторваться от своего прошлого и жить в рамках новых стандартов социального поведения.

---

¹⁸⁵ Chesnutt C. *The Wife of His Youth and Other Stories of the Color-Line*. - Boston; New York: Houghton, Mifflin and Company, 1901. - P. 252.

¹⁸⁶ Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. - Дисс. ... док. филол. наук. - М., 2014. - С. 573.

¹⁸⁷ Chesnutt C. *The Wife of His Youth and Other Stories of the Color-Line*. - Boston; New York: Houghton, Mifflin and Company, 1901. - P. 252.

¹⁸⁸ Кормилицына А. Творчество Чарльза У. Чесната в контексте американской литературы рубежа XIX-XX веков. Дисс. ... канд. филол. наук. - Краснодар, 2016. - С. 76.

Ирония автора в вопросе поиска своего места в обществе соседствует в произведениях Чеснатта с драматизмом и трагизмом. В заключительном рассказе сборника «Паутина обстоятельств» автор подробно описывает историю предприимчивого чернокожего кузнеца Бэна Дэвиса. Главный герой, пытаюсь преуспеть в небольшом городке на Юге страны, сталкивается с антагонизмом как со стороны белых, так и со стороны завистливых чернокожих.

Бэн был несправедливо осужден за кражу вещи, принадлежавшей состоятельному белому джентльмену, полковнику Томпсону. Правосудие не признало невиновности кузнеца, поскольку расовые предубеждения, по словам Чеснатта, зачастую довлеют в умах представителей институтов государственной власти: «У него (судьи) не было никаких сомнений, что заключенный виновен. В штате уже было несколько подобных случаев грабежа, и некоторые джентльмены посоветовали ему особенно жестоко наказать заключенного. Суд присяжных полностью состоял из белых»¹⁸⁹. Бэна обвинили в чрезмерных амбициях, что не свойственно для чернокожего, а значит является угрозой для расовой доктрины на юге. «У тебя нет жалкого оправдания, что ты украл, повинуюсь чувству голода <...> Я могу расценить твое преступление лишь как склонность к преступлениям, такую привычную среди твоего народа»¹⁹⁰.

В финале рассказа неправильная трактовка поведения Бэна достигает кульминации. Выйдя на свободу после долгого тюремного срока, главный герой пускается бегом, поддавшись естественному порыву, и тут же погибает от пули, выпущенной в него все тем же полковником Томпсоном, который по ошибке принимает неопрятного кузнеца за разбойника, угрожающего его дочке.

С одной стороны, обреченность персонажа Бэна заключается в том, что главный герой преступает социальные границы дозволенного, определенные белыми для представителей черной расы. Он не соответствует стереотипу

---

¹⁸⁹ Chesnutt, Ch. W. *The Wife of His Youth and Other Stories of the Color-Line*. - Boston; New York: Houghton, Mifflin and Company, 1901. - P. 298.

¹⁹⁰ Ibid. P. 311.

восприятия афроамериканца как инфантильного, ленивого, неграмотного «ниггера». При этом активная гражданская позиция Бэна вызывает неприязнь у чернокожих братьев, что является наглядным примером внутрирасового расизма. С другой стороны, фатальная неизбежность и неотвратимость трагического исхода обусловлена наличием дикарских пережитков, варварского начала в Бэне, которые осуждает Чеснатт.

«Показывая в рассказе всю иллюзорность американской мечты для жизни бывшего раба, Ч. У. Чеснатт заменяет слово «барьер» (“line”) в метафорическом названии сборника на слово «паутина» (“web”) в последнем рассказе. Если первое слово предполагает некую линейность, то второе – многомерность <...> Образ паутины становится символом расистской идеологии и той системы ценностей, в которой живет общество. Трудно избежать аналогии с понятием «занавеса» (“veil”) у У. Дюбуа¹⁹¹, которая станет метафорой искусственно созданных расовых барьеров для афроамериканцев следующих поколений»¹⁹².

«Обращаясь к изображению характера чернокожего в сборнике рассказов «Жена его юности» и другие истории о расовом барьере», Чеснатт уходит как от фольклорного образа чернокожего, так и от обличительного пафоса, характерного для аболиционистской литературы, воплощая иную, более психологически сложную концепцию характера афроамериканца, для которого поиск своей идентичности в эпоху роста самосознания становится ключевым»¹⁹³.

Сосредоточиваясь в рассказах на психологических проблемах, связанных с пересечением расового барьера, двойственностью сознания и самоидентификацией афроамериканцев, Чарльз Чеснатт показывает героев в

---

¹⁹¹ DuBois W. Black Folk Then and Now (The Oxford W. E. B. Du Bois) An Essay in the History and Sociology of the Negro Race [Electronic resource] - Oxford University Press, 2007. - 301 p. URL: <https://www.amazon.com/Black-Folk-Then-Oxford-Bois/dp/0195325826>

¹⁹² Кормилицына А. Творчество Чарльза У. Чесната в контексте американской литературы рубежа XIX-XX веков. Дисс. ... канд. филол. наук. - Краснодар, 2016. - С. 77.

¹⁹³ Там же. С. 142.

динамике поступков и событий. Эти персонажи очень живые, сложные, многогранные и противоречивые, они вынуждены в своей жизни делать нелегкий выбор, не всегда, по мнению автора, верный. При полном отсутствии внутренних монологов Чеснатту удается раскрывать характеры героев, широко используя диалоги, приемы контраста и антитезы.

Продемонстрировав в образе афроамериканца полноценную личность со своей культурой и этикой, Чеснатт обращается к важнейшим для афроамериканской литературы XX века темам и проблемам – меж- и внутрирасовых предубеждений, смешанных браков, выдавания себя за белых, расовой неприязни, проклятия рабства и его этической ущербности. Многогранность трактовки характера афроамериканца и глубина затрагиваемых психологических проблем позволяют Чеснатту предвосхитить открытия писателей Гарлемского Ренессанса

Заключение

В диссертационном исследовании был проведен анализ основного художественного наследия афроамериканского прозаика Чарльза Чеснатта, который позволил более подробно и детально рассмотреть тематику творчества писателя, проблематику его прозы, а также особенности художественного метода. Для полноценного анализа творчества писателя был привлечен историко-литературный контекст развития афроамериканской словесности XVIII-XIX веков, что позволило сделать попытку оценить место Чарльза Чеснатта как литератора в американской литературной традиции, а также сформулировать следующие выводы относительно творческого наследия писателя.

Чеснатт одним из первых афроамериканских писателей обращается к проблематике расового барьера и расовых предубеждений, освещая ключевые темы для чернокожего населения рубежа веков – пересечение расового барьера,

проблемы самосознания и поиск идентичности. При этом автор не просто использует публицистику, статистику и антирасистские лозунги, приравнивая писательство к общественной деятельности, а качественно перерабатывает и преобразовывает саму литературную традицию, что позволяет нам говорить о значимости вклада Чеснатта в формирование афроамериканской словесности.

В романе «Дом, скрытый кедами» Чарльз Чеснатт затрагивает важную проблему выдавания себя мулатами за белых (“passing for white”). На примере главных героев Джона и Рины автор демонстрирует, что подобный обман не может устранить расовую неприязнь, а, напротив, еще больше обостряет ее. Таким образом Чеснатт поднимает проблему самосознания представителей черной образованной элиты, приходя к выводу – идентичность не выбирают, она существует внутри человека независимо от его желания и не ограничивается цветом кожи. Новаторство автора заключается в значительной трансформации благопристойного канона: для образа благовоспитанной дамы Чеснатт выбирает типаж героини-полукровки, а в центр любовного треугольника помещает негра. Кроме того, в романе Чеснатт «вычерчивает» абсолютно непривычный, новый образа афроамериканца. Автор впервые в американской литературе воссоздает психологию негра, не обобщая всех представителей черной расы, а обращаясь к конкретной личности. Чеснатт упоминает о двойственности сознания афроамериканцев, что обуславливает наличие противоречивых мнений, межрасового сочувствия и внутрирасовой неприязни.

В сборнике рассказов «Жена его юности и другие истории о расовом барьере» Чеснатт исследует проблематику расового барьера посредством анализа внутреннего мира афроамериканцев. Сосредотачиваясь в рассказах на психологических проблемах, самоидентификации и двойственности этнического сознания афроамериканцев, писатель показывает героев в динамике поступков и событий. Такие его персонажи, как Мистер Райдер, Сисеро Клейтон, Клара Хофедрел, уже не похожи на фольклорные образы страдающих негров, но и лишены пафоса, характерного для аболиционистской литературы. Эти герои очень живые, сложные, противоречивые, они вынуждены в своей жизни делать

нелегкий выбор, не всегда, по мнению автора, верный. Помимо этого, Чеснатту удается крайне смело освещать исторический контекст повествований, не упрощая социальные и экономические проблемы рубежа XIX-XX веков. Писатель показывает все тонкости и сложности процесса принятия свободы на Севере, демонстрирует примеры не только межрасовой, но и внутрирасовой неприязни и гордости, борется с расовыми предрассудками и одновременно осуждает представителей своего народа за спесь, безграмотность и отказ от своих корней.

Уже при жизни Чарльз Чеснатт заявил о себе как о писателе национального масштаба. Его творческое наследие является ярким примером трансформации литературной традиции американских негров и серьезным вкладом в становление самостоятельной афроамериканской литературы на рубеже XIX-XX веков.

Список использованной литературы

Художественная литература

1. Allen W. Slave Songs of the United States [Electronic resource] – New York: A. Simpson & Co., 1867. – 115 p. – URL: <http://docsouth.unc.edu/church/allen/allen.html>
2. Bluett T. Some Memoirs of the Life of Job, the Son of Solomon, the High Priest of Boonda in Africa; Who was a Slave About Two Years in Maryland; and

Afterwards Being Brought to England, was Set Free, and Sent to His Native Land in the Year 1734 [Electronic resource] – London: Printed for R. Ford, 1734. – 63 p. – URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/bluett/menu.html>

3. Brown W. Clotel; or, The President's Daughter: A Narrative of Slave Life In the United States [Electronic resource] – London: Partridge & Oakey, 1853. –270 p. – URL: <http://docsouth.unc.edu/southlit/brown/brown.html>

4. Chesnut C. Essays and Speeches. / eds. J. McElrath Jr., R. C. Leitz III, J. S. Crisler. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – 636 p.

5. Chesnut C. The House Behind the Cedars [Electronic resource] – Boston; New York: Houghton, Mifflin, and Co., 1900. – 310 p. URL: <http://archive.org/stream/housebehindcedar1900ches#page/n5/mode/2up>.

6. Chesnut C. The Wife of His Youth and Other Stories of the Color-Line. – Boston; New York: Houghton, Mifflin and Company, 1901. – 323 p.

7. Chesnut C. “To Be an Author”: Letters of Charles W. Chesnut, 1889-1905 / eds. Joseph R. McElrath, Jr., and Robert C. Leitz. – Princeton: Princeton University Press, 1997. – 309 p.

8. Cugoana O. Narrative of the Enslavement of Ottobah Cugoana, a Native of Africa; published by himself, in the Year 1787 [Electronic resource] – London: Printed by James Bullock. 1825. – P. 120-127. – URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/cugoana/cugoana.html>

9. Dunbar P. Majors and Minors: Poems [Electronic resource] – Toledo: Hadley & Hadley, 1895.—148 p. – URL: <http://archive.org/stream/majorsandminorsp00dunbrich#page/n5/mode/2up>.

10. Douglass F. Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself [Electronic resource] – Boston: Published at the Antislavery Office, 1845. – 125 p. – URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/douglass/douglass.html>

11. DuBois W. Black Folk Then and Now (The Oxford W. E. B. Du Bois) An Essay in the History and Sociology of the Negro Race [Electronic resource] – Oxford University Press, 2007. – 301 p. URL: <https://www.amazon.com/Black-Folk-Then-Oxford-Bois/dp/0195325826>
12. DuBois W. The Philadelphia Negro. – New York: Lippincott, 1899. – 520 p.
13. DuBois W. The Souls of Black Folk [Electronic resource] – Chicago: A.C. McClurg & Co., 1903. – 265 p. URL: <http://archive.org/stream/cu31924024920492#page/n15/mode/2up>.
14. DuBois W. The Talented Tenth [Electronic resource] / The Negro Problem. A Series of Articles by Representative American Negroes of To-Day. – New York: James Pott & Co, 1903. – P. 31-76. URL: <http://archive.org/stream/negroproblemseri00washrich#page/n41/mode/2up>.
15. Equiano O. The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African. Written by Himself: 2 vols. [Electronic resource] – London: Printed for the Author, 1789. – Vol. 1 – 272 p. –Vol. 2 – 255 p. – URL: Vol.1. – <http://docsouth.unc.edu/neh/equiano1/equiano1.html>
16. Gronniosaw U. A Narrative of the Most Remarkable Particulars in the Life of James Albert Ukawsaw Gronniosaw, an African Prince, as Related by Himself [Electronic resource] – Bath: Printed by W. Gye, 1770. – 39 p. – URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/gronniosaw/menu.html>
17. Hammon B. A Narrative of the Uncommon Sufferings, and Surprising Deliverance of Briton Hammon, A Negro Man, – Servant to General Winslow, Of Marshfield, in New-England; Who returned to Boston, after having been absent almost Thirteen Years [Electronic resource] – Boston: Printed and Sold by Green & Russell, in Queen-Street. 1760. – 14 p. URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/hammon/hammon.html>

18. Hammon J. An Evening Thought: Salvation by Christ with Penitential Cries. — New York: Hugh Gaine, 1760. — 1 p.
19. Hammon J. An Address to the Negroes in the State of New York [Electronic resource] — New York: Printed by Carroll and Patterson, 1787. — 21 p. URL: <http://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1011&context=etas>
20. Harris C. Uncle Remus, His Songs and His Sayings. The Folk-Lore of the Old Plantation [Electronic resource] — New York: D. Appleton and Co., 1881. — 231 p. URL: <https://archive.org/stream/uncleremushisso01harrgoog#page/n6/mode/2up>.
21. Washington B. T. The Future of the American Negro [Electronic resource] — Boston: Small, Maynard & Company, 1899. — 244 p. URL: <https://archive.org/stream/bookeramernegro00washrich#page/n13/mode/2up>.
22. Washington B. T. Up from Slavery: an autobiography [Electronic resource] — Garden City, New York: Doubleday, 1901. — 330 p. URL: <https://archive.org/stream/upfromslaveryana00washuoft#page/n9/mode/2up>.
23. Wheatley P. Poems on Various Subjects, Religious and Moral by Phillis Wheatley, Negro Servant to Mr. John Wheatley of Boston. — London: Printed for Archibald Bell, 1773. — 124 p.
24. Форд Р. День независимости/ Пер. с англ. С. Ильина. — М.: Фантом Пресс, 2016. — 608 с.

Научно-критическая литература

25. Апенко Е. М. Жизнь и творчество Филлис Уитли // Литература в зеркале эпохи. — Изд-во СПбГУ, 1999. — С. 55-62.

26. Ващенко А. Жанр негритянской автобиографии. Возникновение романа // История литературы США в 4-х тт. – Том 3. – М: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. – С. 491–512.
27. Ващенко А. Фольклор афро-американцев // История литературы США в 4-х тт. – Т. 3. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. – С. 471-491.
28. Гиленсон Б. История литературы США: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 704 с.
29. Кормилицына А. Творчество Чарльза У. Чесната в контексте американской литературы рубежа XIX–XX веков. Дисс. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2016. – 185 с.
30. Кузнецова Т., Уткин А. История американской культуры. – М.: Человек, 2010. – 432 с., илл.
31. Мулярчик А. США: XX век. Грани литературного процесса. – Минск: Барановичи, 1994. – 335 с.
32. Нитобург Э. Л. Афро-американцы США XX века: этноисторический очерк. – М.: Наука, 2009. – 600 с.
33. Панова О. Моделирование образа черной расы а американской культуре и литературе рубежа 19-20 вв. // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2014. – №1. – С. 78-82.
34. Панова О. Негритянская литература США 18 - начала 20 века: проблемы истории и интерпретации. – Дисс. ... док. филол. наук. – М., 2014. – 787 с.
35. Панова О. Становление литературной традиции: прецедент и канон в афро-американской литературе // Литература как прецедент: сборник научных работ. Вып. 1. – Экон-информ, 2010. – С. 154-164.

36. Панова О. У истоков: складывание канона, топики и тематических констант афро-американской литературной традиции. – Вестник Московского университета, 2013. – Серия 9, Филология. — № 5. – С. 83-91.
37. Панова О. Цветные миры. Американская литература в поисках национальной самобытности. — М.: Издательство Московского университета, 2014. — С. 264.
38. Староверова Е. Американская литература. – Саратов: Лицей, 2005. – 320 с.
39. Стулов Ю. «Невольничье повествование» и современный афроамериканский исторический роман // Гуманитарный вектор. – 2010. – № 4 (24). – С. 151-160.
40. Глостанова М. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. — М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. — 359 с.
41. Удлер И. В рабстве и на свободе: становление и эволюция документально-публицистического жанра «невольничьего повествования» в XVIII-XIX веках. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – 239 с.
42. Удлер И. «Повествование о жизни Фредерика Дугласа, американского невольника. Написано им самим» в контексте жанра «невольничьего повествования». – Вестник Челябинского государственного университета, 2010. – № 11 (192). – С. 133–138.
43. Удлер И. Специфика трактовки и функций природы в афро-американских «невольничьих повествованиях» XVIII-XIX веков. – Вестник Пермского университета, 2011. – № 3 (15). – С. 100-105.
44. Удлер И. «Увлекательное повествование о жизни Олауда Эквиано, или Густава Вазы, африканца. Написано им самим» как вершина жанра «невольничьего повествования» в афроамериканской прозе XVIII века. –

Вестник Челябинского государственного университета, 2008. – № 3. – С. 129-136.

45. Цинцадзе Т. Очерк развития негритянской литературы США. – Тбилиси: изд-во Тбилисского университета, 1983. – 311 с.

46. Яценко В. Южная школа американского романтизма. – Иваново: Редакционно-издательский отдел Ивановского государственного университета, 1983. – 88 с.

47. Andrews W. The Literary Career of Charles W. Chesnutt. – Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1980. – 292 p.

48. Andrews W. To Tell a Free Story: The First Century of Afro-American Autobiography, 1760-1865. – Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1986. – 353 p.

49. Aptheker H. Afro-American History: the Modern Era. – New York: Citadel Press, 1971. – 281 p.

50. Baker H. Modernism and the Harlem Renaissance – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 122 p.

51. Bell B. The Afro-American Novel and Its Tradition. – Amherst: University of Massachusetts Press, 1987. – 421 p.

52. Boyd M. Discarded Legacy: Politics and Poetics in the Life of Frances E. W. Harper, 1825-1911. – Detroit: Wayne State University Press, 1994. – 260 p.

53. Brodhead R. The Culture of Letters: Scenes of Reading and Writing in Nineteenth Century America. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. – 371 p.

54. Brodwin S. The Veil Transcended: Form and Meaning in W. E. B. DuBois' *The Souls of Black Folk* [Electronic resource] / *Journal of Black*

Studies. – March, 1972. – Vol. 2, №. 3. – P. 303-321. URL: <http://www.jstor.org/stable/2783720>

55. Brook T. Plessy V. Ferguson: A Brief History with Documents. – Bedford: St. Martin's, 1997. – 205 p.

56. Brown, Sterling. The Negro in American Fiction. Reissue. – Port Washington, New York: Kennikat Press, 1968. – 183 p.

57. Bruce D. Black American Writing from the Nadir: The Evolution of a Literary Tradition, 1877-1915. – Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1989. – 272 p.

58. Bruce D. The Origins of African American Literature: A History of the African American Literary Presence, 1680-1865. – Charlottesville: University of Virginia Press, 2001. – 374 p.

59. Campbell R. Gone to Texas: A History of the Lone Star State. – New York: Oxford University Press, 2003. – 276 p.

60. Child L. The Quadroons. // The Liberty Bell. – 1856. – №1. – 200 p.

61. Davis D. Inhuman Bondage: The Rise and Fall of Slavery in the New World. – New York: Oxford University Press, 2006. – 464 p.

62. Davis D. The Problem of Slavery in Western Culture. – Ithaca, New York: Oxford University Press, 1988. – 505p.

63. Duncan C. The northern stories of Charles W. Chesnutt. – Athens: Ohio University Press, 2004. – 290 p.

64. Fishkin S. Interrogating “Whiteness”, Complicating “Blackness”: Remapping American culture. Criticism and the Color Line // Desegregating American Literary Studies / ed. Henry B. Womhman Brunswick. – Rutger University Press, 1996. – P. 90-251p.

65. Franklin F. Black Bourgeoisie. The Rise of a New Middle-Class in the United States. – New York: Free Press, 1957. – 264 p.
66. Gates H. Introduction: The Talking Book // Pioneers of the Black Atlantic. Five Slave Narratives from the Enlightenment, 1772–1815. – New York: Basic Books, 1998. – P. 4-76.
67. Generals D. Booker T. Washington and Progressive Education: An Experimentalist Approach to Curriculum Development and Reform [Electronic resource] / The Journal of Negro Education. – Vol. 69, № 3. – 2000. – P. 215-234. URL: <http://www.jstor.org/stable/2696233>.
68. Gilroy P. The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness. – Cambridge: Harvard University Press; London & New York: Verso, 1993. – 277 p.
69. Hattenhauer D. Racial and Textual Miscegenation in Chesnut's The House Behind the Cedars. – Mississippi Quarterly. – № 47. – 1994. – 27-45 p.
70. Harold M. Hyman. Radical Republicans & Reconstruction: 1861-1870. – New York: Macmillan General Reference, 1967. – 538p.
71. Howells W. Review of Dunbar's Book, Majors and Minors [Electronic resource] // Harper's Weekly. – June 27. – 1896. — 630 p. – URL: http://bindings.lib.ua.edu/gallery/dunbar_harpers.htm.
72. Jackson B. A History of Afro-American Literature. – Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1989. – Vol. 1. – 461 p.
73. Johnson J. Along This Way: The Autobiography of James Weldon Johnson. – New York: Viking Press, 1933. – 418 p.
74. Kennedy S. Jim Crow Guide: The Way It Was. – Florida: Florida Atlantic University Press, 1990. – 156 p.

75. Logan R. *The Betrayal of the Negro: From Rutherford B. Hayes to Woodrow Wilson*. – New York: Collier Books, 1965. – 456 p.
76. Mason J. Introduction. *On the Reputation of Phillis Wheatley, Poet*. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1989. – P. 1-34.
77. May C. *Evangelism and Resistance in the Black Atlantic, 1760-1835*. – Athens: University of Georgia Press, 2008. – 157 p.
78. McWilliams D. *Charles W. Chesnutt and the Fiction of Race*. – Athens: University of Georgia Press, 2002. – 276 p.
79. Nichols C. *Many Thousands Gone: The Ex-Slaves' Account of Their Bondage and Freedom*. – Bloomington; London: Indiana State University Press, 1969. – 231 p.
80. Render S. Introduction // *The Short Fiction of Charles W. Chesnutt*. – Washington: Howard University Press, 1981. – 428 p.
81. Scruggs C. *The Sage in Harlem: H. L. Mencken and the Black Writers of the 1920ies*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1984. – 213 p.
82. Sheldon G. *Negro Slavery in Old Deerfield* [Electronic resource] / George Sheldon // *New England Magazine*. – March, 1893. – Vol. 14, № 1. – P. 49-60.
83. Simmons R. *Chesnutt and Realism: Study of the Novels*. – Alabama: University of Alabama Press, 2006. – 210 p.
84. Simmons W. *Who's Who of Colored Race. A General Biographical Dictionary of Men and Women of African Descent*. Memento ed. / Ed. F.L. Mather. – Chicago: F. L. Mather, 1915. – 296 p.
85. Watson R. *The Tragic Mulatto Image in Charles Chesnutt's The House Behind the Cedars and Nella Larsen's Passing*. – *CLA Journal*. – № 42. – 2002. – P. 48-71.

86. Wesley Ch. *Racial Propaganda and Historical Writing/ "Opportunity"* – Garden City, New York: Doubleday, 1935. – 273 p.
87. Whitlow R. *Black American Literature. A Critical History.* – Chicago: Nelson Hall, 1973. – 287 p.
88. Wilson M. *Whiteness in the Novels of Charles W. Chesnutt.* – Jackson: University Press of Mississippi, 1998. – 197 p.
89. Wright J. *Charles W. Chesnutt.* – *Colored American Magazine.* – December, 1901. – P. 76-78.